

ДЖУЛИ ДЕЙС

МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ И СУМАСШЕСТВИЕМ,
МОЖНО ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ

НАШЕ
Our eternal yesterday
ВЕЧНОЕ
ВЧЕРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джули Дейс

Наше вечное вчера

Серия «Мечты сбываются», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66864888

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-92992-0

Аннотация

Один раз другие уже растоптали их чувства, и тогда они пообещали себе, что ни за что не позволят кому-то сделать это вновь.

Абсолютно холодный ум, подавленный в глубоких чувствах. От него не стоит ждать взаимности – он просто не сможет этого дать. Он не ждёт от жизни ничего и привык полагаться только на себя. Она делает вид, будто все хорошо, скрывая чувства за уже привычной маской.

Сделав хладнокровную броню из давней обиды и злости, они следуют по жизни и в их планы не входило то, что они вновь появятся в жизни друг друга. Но она больше не та, кого он встретил однажды. А он больше не тот, кто позволит обмануть себя.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	30
Глава 3	55
Глава 4	67
Глава 5	84
Глава 6	103
Глава 7	119
Глава 8	131
Глава 9	151
Глава 10	166
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Джули Дейс

Наше вечное вчера

*Между любовью и сумасшествием
можно потерять себя*

Пролог

Ди.

Несколько лет назад.

Тащу за собой чемодан и поправляю перекинутый через плечо ремень спортивной сумки, где всё моё снаряжение. Главный минус всех соревнований – это заезд. Таскаешься, как брошенный щенок, по отелю, находишь с трудом свою комнату, раскладываешь вещи, потом ищешь кафетерий, зал для тренировок. Вот выезжать удобно: закинул все в сумку и пошёл. А потом получаешь подзатыльник от матери за то, что все вещи мятые.

После благополучного нудного заезда тренер отвозит нас в здание, где будут проходить бои и просит максимально быстро переодеться, потому что начало мероприятия уже через десять минут. С нашим тренером лучше не расходиться во мнениях, иначе ты можешь получить пару синяков на ягодицах от его излюбленной палки, которой он любит учить дисциплине. И вот я выхожу из раздевалки и вижу тех, с кем знаком с шести лет. Скольжу взглядом по всему помещению, проходя мимо столов, кивая знакомым лицам, и нахожу Мэйсона Картера. Я знал, что он будет здесь. Он вообще редко пропускал соревнования, но я точно знал, что на этих он будет. В конце концов, сейчас нашей точкой стал

Нью-Йорк, где он как раз живёт.

Парень не сразу смотрит на меня, пока я иду в его сторону, потому что всё его внимание отдано другому и миниатюрной девушке, от которой мне виден лишь затылок и её гладкие каштановые волосы, светящиеся от лампочек. И только когда я подхожу к ним, чтобы поздороваться с товарищем, узнаю в ней ту, с кем столкнулся в отеле. Я думал о своём, а она уткнулась носом в телефон, оттого мы не сразу заметили друг друга. Пробормотав извинения, она мило улыбнулась и пошла дальше, а я так и остался стоять, вдыхая шлейф её цветочных духов.

– Кого это занесло в нашу дыру? – смеётся Мэйс.

– Нью-Йорк довольно неплохая дыра, – отвечаю ему. Он протягивает руку, и мы хлопаем друг друга по спине, усиливая удар с каждым разом, пока не начинаем смеяться ещё больше.

Он перекидывает одну руку мне через плечо и улыбается.

– И снова та же компания. Ди и мой злой двойник Мэди. Кстати, это Сид.

Я нервно сглотнул, не веря глазам. Не могу вспомнить, когда видел её последний раз, может два года назад, а то и больше. Она редко ездила с Мэйсом на соревнования, только в случаях, если место их проведения было в часах езды от Нью-Йорка. Она осталась такой же маленькой, но определённо выросла, стала женственнее, и мне сложно не замечать то, насколько красива она и её фигура. Девушка покрывает-

ся румянцем, наверняка вспомнив нашу недавнюю стычку, а затем застенчиво отводит взгляд, когда осознает, что я не свожу с неё глаз. Тогда рука лучшего друга Мэйсона обнимает её за талию и практически насильно притягивает к себе, отчего Мэди даже морщится. Мне хочется одернуть его от неё, но стоящий рядом Мэйс не шевелится, а значит так оно и надо. Он не из тех, что позволит сделать больно его близким, я уверен.

– Вы знакомы? – спрашивает Сид хамоватым голосом, смотря скорее на меня, хотя спрашивает определённо Мэди. Его взгляд не выражает ничего хорошего, но я не стусевал, как он предполагал, и лишь насмешливо дёрнул бровью. Неужели, он не доверяет своей девушке и видит во мне конкурента? Если Сида я вижу впервые, то Мэди довольно большое количество раз и, к его счастью, мы перекидывались лишь парой слов и прощались.

– Да, сегодня случайно столкнулись в холле. Я писала тебе и совсем не следила за тем, куда иду, вот и врезалась в Ди, но он не дал мне упасть, – то, как она произносит моё имя, заставляет мой член сжаться. Правда, виделись мы впервые не сегодня, а лет пять назад, и почти каждые соревнования виделись вновь. Становится до глупого обидно, что она этого не помнит или делает вид.

Сид хмыкает.

– Какой же Ди молодец, да, Мэйс? – мне хочется закатить глаза на явный сарказм.

– Ага. Ты давно приехал? – сам Мэйсон похоже не заметил развившееся напряжение между нами или предпочёл сделать вид, что его нет.

– Нет, пару часов назад заехали, на завтрак только успели сходить, и тренер сразу же привёз нас сюда. Слышал, они хотят начать сегодня.

– Я тоже слышал.

– Нам же лучше, не надо туда-сюда таскаться хренову тучу раз.

– Ты мог не таскаться и свалить обратно, из какой щели ты вылез, – тихо сказал Сид.

– Чувак, что с тобой? – протягивает Мэйсон непонимающим тоном и снимает руку с моей шеи. Даже Мэди нахмурилась, но не предприняла попытку уговорить своего парня, будто его поведение – это довольно обыденная ситуация.

Я напрягся всем телом и с вызовом посмотрел на Сиду.

– У тебя какие-то проблемы ко мне, *приятель*?

– Абсолютно никаких, – он впился пальцами в тонкую кожу Мэди в том самом месте, где топ не прикрывал её талию. – Пошли. Мне ещё надо заскочить кое-куда, – и как только они начали отходить, я услышал его шипение: – Больше не надевай такую короткую одежду, поняла?

Я с сомнением провожаю этих двоих взглядом и оборачиваюсь к Мэйсу. Тот попивает коктейль и беспардонно рассматривает танцовщиц. Обычный Мэйс – лёгкий, весёлый и ни о чём не беспокоившийся.

– Это нормально для неё? – наконец спрашиваю я.

Мэйсон пожимает плечами.

– Сид неплохой парень, Ди. Не знаю, почему он взъелся на тебя, но он любит Мэди, я знаю. Она ещё с младших классов сохла по нему, так что тут на всю жизнь. Хреново, да?

Мычу что-то непонятное и прощаюсь, увидев, как мне машут парни из команды.

Я довольно быстро забыл эту ситуацию: семья Картера и дела его сестры меня не касаются, а значит совать свой нос я не намерен. Поэтому вечером, когда наша команда вновь приехала самыми последними, потому что тренер слёг с изжогой и долго не мог прийти в себя, обвиняя жирную пищу в Америке, я уже выкинул из головы образ Сида и Мэди.

Протирая лицо полотенцем, сжимаю капю в ладони и вышагиваю вдоль коридора, ведущего в зал, где находится ринг. Но когда прохожу мимо раздевалки парней из Нью-Йорка, вынужден остановиться: за дверью доносился тихий, едва различимый из-за гула команд и болельщиков, женский плач. Пусть я и не падок на такие штуки, но пройти мимо не могу. Открываю дверь и прислушиваюсь к всхлипам, понимая, что они издаются где-то из зоны душевой. Туда я и направляюсь.

Обняв колени руками и уткнувшись в них лицом так, чтобы прямые длинные волосы закрыли её шторкой, на полу сидит Мэди и её маленькое тело вздрагивает при каждом всхлипе. Из-за чего мне становится настолько тошно, что

сжимается сердце. Не думая больше ни о чём, кроме неё, подлетаю к девушке и присаживаюсь на колени рядом, обхватив ладонями лицо.

– Кто мать твою сделал это? – шокировано спрашиваю ломаным голосом.

Мэди чертыхается и поворачивает голову так, чтобы я не видел красный след на щеке.

– Не говори Мэйсону. Это наше с Сидом дело.

Не стоит давать ей очко за то, что сама спалила своего дружка, ведь я бы и без того смог сделать вывод, благодаря кому красуется след.

Сжимаю кулаки от внезапной ярости и рычу:

– Ты покрываешь его? Ты же не идиотка должна понимать, что это не нормально. Ударил раз – не составит труда ударить второй. Собираешься терпеть это?

Она поворачивает голову в мою сторону и смеряет злым взглядом.

– Обойдёмся без этого. Мне не нужны нравоучения, сама знаю, что нужно делать, а что нет. Ты самый умный?

– Да, самый умный. Если он бьет тебя, то почему ты не скажешь брату? Думаешь, он будет рад, узнав, что его друг хренов ублюдок?

– Он не ублюдок! – верещит Мэди и толкает меня.

Сил у неё значительно меньше, чем я представлял, потому я даже не пошатнулся. Схватив её за подбородок, провожу указательным пальцем по красной отметине, и она шипит.

– Больно?

Мэди что-то промычала в ответ и закрыла влажные глаза.

– Пойдём. Где-то здесь должен быть холодильник со льдом, – поднимаюсь и подаю руку, чтобы она поднялась следом. Свою ладонь в мою она не вложила, но и не проигнорировала.

Рядом со входом в раздевалку нахожу нужный холодильник, который изначально предназначался для бойцов.

Протягиваю ей пару пачек со льдом, и она с хмурым видом принимает их.

– Спасибо говорить не буду, – ворчит Мэди, надув губы и прислонив лёд к щеке. Она зажмуривается и шипит проклятья.

– Дай сюда.

Забираю у неё из рук пачку и продвигаюсь ближе. Изначально, она напрягается, но, когда аккуратно убираю её волосы, чтобы не мешались, и прислоняю лёд к месту боли, Мэди успокаивается. Пару минут молчания и в её глазах перестают гореть огни, когда она смотрит на меня.

– Почему ты мне помогаешь?

– А почему не должен? Я не поддерживаю насилие.

– Но занимаешься боксом. Из тебя идиотский пацифист, – парирует девушка в ответ.

Ухмыляюсь ей и в полной мере осознаю, почему Мэйс назвал её своим злым двойником.

– Бокс – это не избиение человека. Это искусство приемов

и оттачивание техники. Мы не выходим на ринг, чтобы бить друг друга. Мы выходим показать мастерство.

– Теперь понятно, отчего у Мэйса после боёв всё лицо в крови. Искусство требует жертв? – она играет бровями, когда я прищуриваюсь, глядя ей в глаза.

– А ты та ещё язва.

– Это наша семейная черта.

Улыбаюсь, когда она озорно блестит голубыми глазами. Это хреново, потому что чувствую, как легко она рушит взглядом выстроенную браню внутри.

– Кто бы сомневался. К сожалению, твой брат сделал тебя.

– Да ладно?

– Ладно, – выдыхаю. – Возможно, я могу ошибаться.

Жестом указываю ей занять место на лавочке, и к удивлению, Мэди послушно опускается. Мне приходится стиснуть зубы, чтобы не придумывать злополучные картинки с ней. Она выглядит слишком наивно и смущённо, чем подпитывает пожар в паховой зоне. Чтобы выбросить это из головы, присаживаюсь следом. Спасибо лавочке, что наши глаза не на уровне друг друга. С моим ростом, где она едва достигает макушкой плеча, это сложно, но, вероятно, мне повезло. Я немного ниже в данном положении благодаря высоте лавочки.

Снова прикладываю лёд к щеке девушки, из-за чего она вздрагивает, но не жмурится. Она пристально вглядывается в моё лицо, а я стараюсь смотреть только на место покрасне-

ния, которое плавно исчезает на глазах. Её брату лучше бы знать, что делает его друг. Вряд ли я мог бы спокойно находиться вблизи Джея при таком раскладе. За подобное насилие, особенно в сторону слабого пола, я бы снес с его плеч башку лично.

– Ещё болит? – спрашиваю я, чтобы хоть как-то разбавить гнусную атмосферу и понизить градус напряжения, которое вновь возникло.

Мэди коротко улыбается. Она проскальзывает пальцами под пачку со льдом, касаясь моей ладони и не пытается её убрать. Мне кажется, что я в бреду. Не меньше, чем одурманен, ведь её ладонь ложится поверх моей и того хуже, скользит вдоль, подбираясь к предплечью. Убрав шоколадом ниспадающие локоны волос за ухо, которые почти касаются моей щеки, она склоняется ниже. Было бы неплохо, если бы я отстранился. Но я остаюсь на месте.

И тогда происходит то, что не должно было произойти, о чём я думал с тех пор, как увидел её сегодня. Она касается моих губ и выдыхает, опалив дыханием. В ту же секунду забываю о Мэйсоне, обо всех вокруг, даже о том, куда шёл изначально. И, конечно, легко забываю о том, кто причинил ей боль: её парне. Бросаю в сторону лёд, который легко трескается пополам, потому что начал таять. Оборачиваю руки вокруг талии Мэди и двигаю её ближе. Она не разрывает поцелуй и не торопится кричать об ошибке. Она лишь убирает волосы за уши и кладёт ладони на мои щёки, углубляя по-

целуй.

Несмотря на жизненное положение, в котором мы находимся, понимаю, что сейчас всё так, как должно быть. Она и я в раздевалке. Наш поцелуй. Касаюсь щеки и всё резко прекращается. Её голубые глаза смотрят в мои, но не наблюдаю в них растерянности и паники, которая намекнула бы на то, что сейчас она закричит об ошибке, сбежав прочь. Мэди остаётся у моих губ, я же в эту секунду виню себя за то, что коснулся больного места.

– Сходим куда-нибудь вечером? – предлагаю я, нарушая тишину.

Надеюсь, что это не сон. Или же я умер и попал в рай. Я смотрел на неё так, словно она могла исчезнуть. В голове возникает вопрос о её мудаке-парне, но не решаюсь задать его. Уверен, Мэди рассталась с ним сразу же, после того, как он позволил себе поднять на неё руку. Иначе она не поцеловала бы меня.

– Да, – тут же отзывается она.

Девушка с некой грустью отстраняется и поднимается на ноги. Её примеру следую я.

– Всё в порядке? – искренне спрашиваю я, наблюдая за каждым движением, которое она делает в сторону дверей.

– До вечера?

– В девять тут.

– Хорошо.

Мэди дарит мне пропитанную нежностью и благодарно-

стью улыбку, после чего скрывается за дверью. Ещё несколько секунд смотрю на табличку, где указан выход и задаю себе вопрос: «Что это было?». К сожалению, у меня нет ответа, но я четко понимаю чувства, которые испытал к ней всего лишь благодаря поцелую. Ещё не до конца придя в себя, ползу к раковине и ледяной водой споласкиваю лицо, только потом иду на ринг.

Моего соперника не оказалось в зале, поэтому я уже поднялся, надел капу и был готов, высматривая в толпе Мэди. И в этот же момент на ринг поднялся Сид. Он скинул полотенце тренеру, смерил меня взглядом и посмотрел в толпу, где стояла она. Все моё тело налилось свинцом. Я ощущал ярость настолько мощную, что сердце рвалось из тела, а мысли кричали одно. Когда Сид посмотрел на меня злым взглядом, я уже знал, что добром это не кончится. Ничто не завершается мирно, когда дело касается девушки. Может быть, я позволяю ему увидеть что-то, но не буду скрывать, прячась за маской добродетеля. У него есть соперник, и дело вовсе не в боксе.

Нас попросят встать рядом и поприветствовать друг друга. В этот момент он совершил фатальную для него ошибку. Сид улыбнулся мерзкой, отвратительной улыбкой, и приторно сказал:

– Думаешь я не вижу, как ты смотришь на неё? – а затем басом добавляет, глядя туда, где Мэди: – Но будь уверен: она сосет только мой член.

Во мне мгновенно поднимается лава, желающая убить его к чертовой матери. И я вовсе не хотел говорить что-то, потому что выше этого, но не смог сдержать себя:

– И целуется тоже охренительно.

Сид дёргается. Тогда-то и начинается *наш* бой.

Он полетел на меня, тут же стараясь ударить в голову. Это стало его ошибкой номер два. Пока он пытался захватить меня, я уже опрокинул его на пол, вспомнив все сказанные им слова. Сид сделал хук правой, но вкус крови не остановил меня. Я начал вколачивать кулаки в его голову, пару раз ударил в ребра, а затем бил и бил, не целясь. Он старался защищаться, но мои удары были молниеносными. Он ударил её. Он говорит о ней эту мерзость. И она выгораживала его. Я бил его, сильнее и сильнее, разъярённее и разъяреннее, пока рефери силой не оттащил меня от него.

И тогда я услышал крик Мэди. Она пыталась залезть на ринг, но её удерживал Мэйсон. На сердце стало теплее, пока я не осознал, что залезть она пытается к нему, а не ко мне. Она кусает Мэйсона за руку, залезает к нам и бежит к валяющемуся в крови Сиду. Хаотичными движениями рук, она стирает кровь с его лица, начиная истошно рыдать, сидя на коленях до прихода медиков.

Рефери просит меня удалиться, но я всё ещё стою там, не понимая почему. Почему она сидит рядом с ним? Ведь я защищал её честь, я – а не он.

Мэди оборачивается и в слезах кричит мне.

– Ненавижу тебя! Ненавижу!

И мне хватает этого, чтобы уйти в раздевалку, минуя охреневшего Мэйсона.

Стоя под холодным душем, пытаюсь понять, но не получается. Может, я не понимаю чего-то? Разве это – любовь? Разве то, что он бьет её – это нормально? Мой отец никогда не поднимал руку на мать, мой дед не поднимал руку на бабушку. И я никогда не позволил бы себе этого. Но тогда почему ненависть она испытывает ко мне? За то, что я избил его? Он заслужил, а если не заслужил, то проиграл. Это игра. Победу получает только одна команда. Один человек. Есть поигравший, есть победитель. Почему я чувствую себя проигравшим?

Я не слушаю яростного тренера. Просто сваливаю оттуда подальше. Кожа ощущается тугой от напряжения, но это не сравнить с испытываемой болью. Как я мог даже подумать, что она поцеловала меня из-за взаимных чувств? Уже почти дойдя до выхода, оглядываюсь, и вижу сидящего на стуле Сида, а рядом Мэди, держащую ему лёд, как держал ей я. Парень замечает меня и его глаза хищно блестят. Он запускает ладонь ей в волосы и целует так, что чуть ли не съедает лицо. Меня начинает тошнить, но я смотрю. И когда она отвечает ему на поцелуй, я не вижу смысла больше там находиться. Ухожу, пообещав себе, что это был последний раз, когда кто-то играл с моими чувствами.

Глава 1

Ди

– Ты уже прилетел? Что так долго? – зевнув, спрашивает Джей. Скорее всего, он счастливчик, отоспавшийся после ночи провод, чего не сказать обо мне.

Рядом со мной сидела мать-одиночка, это, кстати, она сама мне рассказала, с трёхлетним, а может меньше, ребёнком. Не скажу, что он был особо буйным, но он меня точно не возлюбил. Как я это понял? После двух отрывков на меня. Мне ещё повезло, что закинул запасную толстовку в рюкзак. Клянусь, пару раз даже замечал на себе его злой пристальный взгляд. Я пытался сказать его маме, что в этом обличье сидит демон, на что она хихикала и называла меня шутником.

– Прилетел. На твоём месте я бы не ныл. Не ты ведь сидел с Сатаной на соседних креслах.

– Чего? – растягивает Джей, а потом выдаёт смешок. – Так ты уже нашёл мой подарок? Как знал, надо было больше положить. Вон тебя как вкачал, дьявол мерещится.

Не дойдя до выхода из аэропорта, я останавливаюсь и недоуменно смотрю на телефон, будто могу увидеть лицо Джея.

– Что ты мать твою сказал? Ты положил мне в чемодан ко-

сяк? – первые слова я буквально ору, но на остальных приходится сбавить пыл. Если меня депортируют сейчас или посадят в тюрьму за хранение – это будет лучшим началом.

– Да не парься ты. Я же не такой идиот. Джей – мозг! Я положил в рюкзак. Клёво, да? Чувак, не благодари.

– Кинтеро, на твоём месте я бы отсчитывал дни до моего прилёта и покупал место на кладбище. Потому что как только я увижу тебя на горизонте, я сотру тебя в пыль. Какого хрена ты вытворяешь?

На меня начали странно смотреть, но благо дело ни один не понимал, о чём я говорю. По крайней мере, надеюсь.

– Так ты всё-таки не курнул. Иначе бы ты боготворил меня, а сейчас ты обычный Ди кричащая задница. Скукота. Никакой радости в жизни. Сколько хоть у них там времени?

Смотрю на часы, которые недавно перевёл на местное время.

– Обед.

– Соболезную. Даже опохмелиться не сможешь.

– В мои планы это не входит. Сейчас я должен идти к ректору и уговаривать его выделить мне место в братстве, иначе буду скитаться по улице.

– У тебя всегда есть вариант с моим братишкой, – напоминает Джей. На этот раз я просто игнорирую.

Мы разговариваем ещё пару минут, пока жду такси, и когда машина приезжает, мне приходится сбросить. Говорить с Джем я могу только на испанском – английский он не знает.

Хотя, знает пару слов, но такими в обществе не общаются. А как предупреждала мама, лучше делать вид, что ты из этих мест, чтобы тебе не надрали жопу и не поставили на счётчик. Пусть я и занимаюсь боксом с детства, но все же не уверен, что могу противостоять толпе амбалов или перочинному ножику, воткнутому мне в бок.

Назвав водителю адрес университета, я набрал номер отца и стал ждать ответ.

– Твоя мама уже начала переживать, что ты долго летишь. Сто раз твой рейс проверила, но все равно ходит по комнате, как сумасшедшая. Пожалуйста, скажи ей, что ты в порядке, или я вылечу следом, только бы от этой двинутой подальше.

Смеюсь и слышу, как отец передаёт трубку маме. Та что-то ворчит ему, облегченно вздыхает и говорит в трубку:

– Он врет. Я просто уже соскучилась. Ты будешь впервые так далеко от меня, и мне немного не по себе. Неужели мне теперь можно ходить по клубам и всем говорить, что мне тридцать и у меня нет детей?

– Как только выкинешь Рамо из дома – это станет твоим первым делом.

– Точно. Надеюсь ты хорошо доехал. Я очень на это надеюсь. Ты уже в университете? Как там? Знал бы ты мой первый день, сразу перестал бы считать меня лучшей мамой.

– Мам, после рассказала о том, как вы с папой познакомились, меня ничем не удивить. И нет, я ещё не приехал. Сажу в такси.

– Что? Фуэнтес, ты рассказал нашему сыну...

– Придержи язык, я рассказал только приличную часть.

Я ошибся дверью, зашёл в женскую раздевалку, а там ты сидишь в парандже, – перебивает он маму.

На самом то деле, он сказал мне правду, но маме лучше об этом не знать.

– Вы оба меня обманываете, – ворчит мама. – Ладно, Ди.

Передать трубку Рамону?

– Не надо, ма...

Но уже поздно. Слышу шаркающие шаги матери и агрессивный шёпот.

– Меня заставили, – бухтит Рамо и по звуку получает подзатыльник.

– Не думал иначе.

– Тогда давай просто сделаем вид, что каждую ночь залезаем под одно одеяло и шепчем друг другу секретки. Итак, ты рад, что свалил?

Всей спиной ложусь на сиденье, вытянув ноги вперёд настолько, насколько мне позволяет салон машины.

– Ещё не знаю. Есть сомнения по поводу Джея: скорее всего, он в первый же день попадёт в глубокую задницу. Полагаю, это все мои опасения, а так мне совершенно плевать. Что на счёт тебя, гений? – кажется, мы впервые за долгое время говорим без дерьма в сторону друг друга, и я даже не знаю, что испытываю по этому поводу. Я точно знаю, что он любезен только из-за нависающей над ним мамы с пушкой.

– Имеешь ввиду, рад ли я, что ты укатил из отчего дома? Ты ещё спрашиваешь? Я уже предложил маме снести стену между нашими комнатами, чтобы сделать одну целую – мою, – если я попытался быть искренним, то Рамо ведёт себя так же как и обычно. Хочу вмазать ему, но поднять на него руку никогда не смогу. Я до сих пор вижу в нём того крохотного малыша, с которым вечно возился. И нет, меня не заставляли родители. Мне просто хотелось быть кем-то большим для кого-то, отличным братом. Но все скатилось в бездну к годам так шестнадцати.

– Что она сказала?

– Конечно, она согласна, это же я. Но папа против, мол ты вернёшься и вообще так не красиво, короче защищал твою комнату, практически наручниками приковавшись к батарее, – страдальческим тоном бубнит Рамо.

Хмыкаю от победы, хотя даже не присутствовал при этом. У нас в семье никогда не было любимчиков, но, если мне и без разницы с кем потрепаться, а вот Рамо выберет маму. Они похожи, как сказал мне когда-то папа. И я не могу сам этого не заметить. Дело не только во внешнем сходстве, но и во внутреннем: мама была художницей в своё время, а сейчас рисует только карикатуры или картины для интерьера дома в непонятном мне стиле. И если я оказался далёк от искусства, то Рамо буквально будущий Пикассо. То, что он творит на своём графическом планшете, – это не описать словами. Я готов закрывать на весь его бред глаза, если в будущем он

получит Нобелевскую премию.

– А ты, значит, уверен, что я не вернусь? Дай напомню: у меня всего три месяца, а дальше меня снова переведут в Испанию.

Рамо вздыхает.

– Я не хотел этого говорить, чтобы не обижать тебя. Хотя... шутка, мне насрать. Как и тебе, впрочем, так что у нас один-один. Так вот, как я считаю: интеллект в нашей семье распределился не поровну. Мне досталась добрая часть, а тебе огрызки, но я и не отрицаю, что ты вполне способный. Для возраста тринадцатилетки. Поэтому я уверен, что тебя обратно не переведут и предложат остаться там. Либо же тебя наконец-то переедет маши...

Не слушая продолжение, заканчиваю звонок и кидаю телефон в сторону.

Смотрю в окно, за которым бетонный город меняет свои огни, когда наконец появляется огромный университет, сменивший тысячи, миллионы учеников. Если сравнить тот, в котором я учился в Барселоне, то это свет и тьма. Нью-Йоркский представляет нечто большее. Современное и старое одновременно. Мама отдала бы всё, чтобы видеть это: она тот ещё ценитель красивой архитектуры.

Протягиваю водителю купюру и вылезаю из машины, потянув за собой сумку с вещами, перед этим засунув телефон в задний карман штанов.

В холле меня встречает женщина с прилизанным пучком

на голове, который настолько тянет кожу, что глаза становятся похожими на узкие щелочки. От этого вида даже заболели мои собственные. Быстро провожу пятерней по волосам и обращаюсь к ней:

– Где здесь кабинет ректора? – я бы обошёлся без помощи, но эти коридоры напоминают чертов лабиринт, откуда выберусь к годам восьмидесяти или кто-нибудь найдёт мой скелет.

Женщина поднимает глаза и устало, будто повторяет заученную фразу миллиард раз, спрашивает:

– С какой целью? Вы записаны?

– Я студент по обмену, мне нужно заполнить документы.

– Направо и прямо. Держитесь левой стороны, там будет диванчик. Подождите там, ректор сейчас очень занят.

Уже на половине её нудной речи иду туда, куда она сказала, ставлю рядом сумку, падаю на диван и расслабляюсь.

Упираюсь затылком в стену и закрываю глаза, наслаждаясь тишиной и некоторым звоном в ушах, сопровождающимся сушняком. Представляю, что сижу не в душном коридоре в ожидании, когда придёт недавно вышедший на что-то срочное ректор, а где-нибудь на пляже Испании. Рядом стоит машина с открытыми дверями, из которой доносится музыка, окутывая весь пляж. Джей тащит девчонок к воде, те визжат, бьют его по рукам, но он оказывается сильнее. Дружный женский писк о температуре воды и хохот друга. Никакого Рамона с его постоянными попытками вывести меня из

себя, никакой чертовой учёбы и никаких забот.

Уже почти засыпаю, когда рядом со мной кто-то буквально плюхается на диван. Сжимаю челюсти до скрипа и боли. Решаю сделать вид, что я один и продолжаю ждать ректора, закрыв глаза и представив Испанию паршивой Америке.

– Зажигалка есть? – спрашивает мужской голос.

Стараясь отвечать безразлично, говорю:

– Не курю.

– Я спрашиваю зажигалку, а не куришь ты или нет.

– По-твоему, если я не курю, то должен носить зажигалку? Спрашивается: зачем? Поджечь ваш чертов университет к дьяволу? Отвечу за тебя. Я с радостью сделаю это перед отлетом, так что спроси зажигалку через пару месяцев.

– А ты языкастый.

– А ты отчаянный, раз просишь зажигалку у боксера. Или ты не заметил на мне толстовку с логотипом спонсора клуба? – грубо говорю я, надеясь, что он отвалит.

Рядом раздаётся смешок.

– Я не осматриваю тебя. Ты не привлекательная киска, чтобы я делал это. А во-вторых, совпадение – я тоже боксёр и мне было бы только на руку, если ты решишь сжечь университет. Но мой тебе совет, начни пожар с ректора. Его задница довольно легко поджигается, так что просто подлей масла.

Боксёр. Я знаю дохрена боксеров, но с самого начала голос парня показался смутно знакомым. Я где-то уже слышал

его, только не мог вспомнить где, а сейчас, когда он заявил, что тоже занимается боксом, круг подозреваемых сузился. Гадать кто это – неинтересно, тем более с минуты на минуту должен подойти ректор. Я не вижу смысла дальше вести игру и просто открываю глаза, фокусируя взгляд на оппоненте.

Твою мать. Да какого хрена вообще?

Мэйсон Картер собственной персоной развалился рядом, закинув руки за голову и блаженно закрыв глаза. После последней нашей встречи три года назад, он заметно поднабрал мышечной массы и прибавил в сантиметрах, а самодовольная неизменная улыбка на лице стала наглой. Я могу ошибаться, но, основываясь на том, каким видел его раньше, сейчас он абсолютно изменился. Атмосфера рядом с ним заставляет даже мои нервные клетки встать в боевую готовность, чтобы при любой атаке уничтожить вредителя.

Дыхание перехватывает и жесткий кулак безжалостно, практически извращённо, сковывает мою шею в свои тиски. Я закусываю губу и тихо матерюсь, умоляя, чтобы Мэйсон был здесь один.

К счастью, он здесь один.

– Я даже не удивлен, что Картер хочет превратить это место в преисподнюю.

Улыбочка на его лице замирает, когда он открывает глаза и впивается взглядом в меня. Пару секунд парень в шоке смотрит на меня, словно я чертово приведение, а затем начинает смеяться.

– Твою ж мать, а я делал ставки на то, что ты отошел в мир иной.

– Только следом за тобой. Я тоже удивлен, что ты все еще такой же любезнейший, – Мэйс принимает сарказм новым приступом смеха.

– По-другому никак. Ты же должен быть в Италии, нет?

– В Испании, – исправляю его и нетерпеливо смотрю на дверь. Ну где этот хренов ректор? Я сожру его, как только он появится на горизонте. Мне не хочется встречаться с его плюс один.

– Точно, Испания.

– Так вышло, в общем-то...

– Ты давно прилетел? – продолжает интересоваться Мэйсон.

Какой-то мужик спешит в нашу сторону. Судя по виду, он редко ускоряется, темп его привычной ходьбы равен скорости улитки. Если он в туалет, а если судить по бумажке, то так и есть, я вовсе не буду удивлён. Но краем глаза замечаю весёлую вспышку в глазах Мэйса, который, смотря на мужчину, говорит мне:

– Сейчас будет весело.

Он поднимается на ноги и скрещивает руки под грудью. И когда мужчина ровняется с ним, не иначе, как тарыхтит:

– Мистер Картер, нужна ваша подпись, она решит все проблемы.

– Можно почитать? – сладколюбезно спрашивает Мэйс.

Мужчина протягивает ему какую-то бумажку, и следом от неё остаются обрывки. Вероятно, будь у меня зажигалка, сейчас мог остаться пепел.

Пока ректор офигевает от происходящего, я смеюсь в кулак с выходки этого придурка.

– Вы видели это? Вы видели, что сделал этот наглец? – верещит ректор, обращаясь ко мне.

Строю совершенно серьезную мину.

– Видел, что?

– Как он... Картер порвал докладную профессора с пожеланиями о его отчислении.

Он говорит с трудом, заикаясь то ли от злости, то ли просто нервничая. И мне слегка даже становится его жаль, но лишь слегка.

– К сожалению, я видел только то, что Мэйс помог вам утилизировать бесполезную бумажку, ни о какой докладной не шло и речи, – смотрю по углам стен: – И ведь даже камер нет. Получается, я единственный свидетель.

Мэйсон ржет, уперевшись ладонью на стену, а другой закрыв лицо.

– Поганцы. Пошел вон, Картер. Видеть и слышать тебя больше не намерен. Сегодня только первый день, ты портишь репутацию заведения.

– Взаимность – это прелестно.

Мэйс проходит мимо ректора, хлопнув того по плечу, но сразу же отряхнув руку. И тут же оборачивается:

– Я твой должник.

И от его слов становится ещё противнее. Если бы он знал, что я когда-то сделал, то ни разу в жизни не произнёс бы их.

Смотрю вслед парню, который весело отбивает барабанный ритм ладонями по бокам и тихо поёт очень знакомую всем песню *Won Jovi*. Кошусь в сторону ректора и стараюсь не смеяться из-за того, как сильно краснеет его лицо. Картер поворачивается, и довольно громко завершает своё фееричное выступление:

– Это моя жизнь.

После этого, он скрывается за углом.

– Проходите, Фуэнтес, – цедит ректор, продолжая смотреть в сторону угла, за которым недавно скрылся Мэйс.

Выгибаю бровь.

– Вы были по планам после изгнания Сатаны.

Глава 2

Мэди

Горячая вода – лучшее изобретение человечества. Я почти в этом уверена и готова заявить об этом на весь белый свет. Конечно, я могу ошибаться, но сейчас придерживаюсь именно такого мнения. Именно тогда, когда проживаешь без неё сутки, а после, прочувствовала всю свежесть, хочешь выть и говорить, как прекрасен мир. Этот день только начинается, а я уже ощущаю всю тяжесть нового года. Наверно, просто предчувствую будущие передряги, в которые уже готов втянуть нас Мэйс. Я вовсе не против, хотя иногда от их количества кружится голова. Не знаю, как могла жить без него, но явно скучно и серо.

Натягиваю излюбленные белые джинсы, туфли и топ, который чудом откапала в шкафу, планируя осесть на головы родителей ровно столько, сколько времени планируют из моего жилого комплекса делать каменный век, а лучше сказать, что не планирую уезжать. Сейчас я готова наслаждаться теми приятными бонусами, что дарит это место: готовый завтрак, когда спускаешься вниз; возможно, даже обед, который мама вручит с собой, хотя, это уже слишком много; болтовня с утра, как это было раньше, меня подвозят и ни за что не нужно платить. Рай. Я вовсе не жалуясь на самостоятельную

жизнь, но скучаю по тем временам, когда спокойно передвигалась в этом доме. Теперь это удел Эйдена на несколько лет, если быть точной – на пять лет до выпуска.

Закрываю дверь своей комнаты и как раз ловлю младшего брата, который что-то отпинавает ногой в сторону комнаты и тоже закрывает дверь, повесив рюкзак на плечо. Ему только будет пятнадцать, а он уже выше меня почти на голову. Чувствую себя карликом этой семьи. Хотелось бы ноги подлинней и грудь побольше, чтобы идти в модели, но увы и ах. Я хотя бы могу похвастаться голубыми глазами, которые достались от бабушки, и цветом волос, который унаследовала от мамы. Отличительный признак был получен именно мною.

По пути пихаю Эйдена бедром, на что получаю улыбку.

– Почему бы тебе не прибраться в своей комнате? – спрашиваю я.

– Там и так чисто.

– Ты только что-то запнул туда какую-то вещь.

– Это был мяч.

– Ладно, первый раз принимается.

– Загляни в комнату Мэйсона.

– Боюсь, туда нельзя заходить без специальной экипировки.

Эйден издаёт смешок и проскакивает по лестнице. Он бросает рюкзак на пол у входной двери и скрывается за углом, в то время как я ещё ковыляю на каблуках по последним

ступенькам. Я должна быть грациозной леди, но что-то мешает позвоночнику выпрямиться и позволить эту роскошь быть царицей.

– В этом кто-то ходит? – вскидывает бровь папа, как только я появляюсь в пороге.

– О чём ты? – хмурюсь, оглядывая себя, тем же занимается Эйден и мама, завернув головы в мою сторону.

– Что за выбор?

– Что ты имеешь в виду?

– Хотя бы кофту сверху накинь.

– Боже, ты серьёзно? – вздохнув, занимаю место за столом и беру вилку, наслаждаясь ароматом и видом приготовленного завтрака. Я же говорила: это рай.

– Вполне.

– Я не надену паранджу, пап.

Что-то буркнув себе под нос, он переводит взгляд с меня на экран телефона и начинает перебирать по нему пальцами. Смотрю на маму, которая тихо смеётся и, закатив глаза, снова стучит ручкой по ежедневнику, делая записи. Но папа вновь поднимает голову, когда я с аппетитом приступаю к завтраку, там же занимается Эйден.

– Тебя подвезти?

– Да, – соглашаюсь я.

Он устремляет взгляд в сторону Эйдена.

– Ты как?

– Своим ходом.

– Да, мама же подарила тебе карточку метро, клевая штукovina, наверно.

– За мной заедут парни.

– А как же эти разговорчики между отцом и сыном? Тебе не нужны советы?

Эйден усмехается.

– Твоя лучшая подружка живёт отдельно.

– Конечно, ты же всегда потрепашься с мамой, – язвит папа.

– Мам, у папы ПМС? – хихикаю я. – Или так приходит старость?

Мама делает глоток кофе и внимательно осматривает папу, который в ответ смотрит на неё, томительно ожидая ответ.

– Он уже не так молод, – печально завершает она.

– Что за намёки? – смеясь, ворчит папа, подтолкнув её локтем, благодаря чему капля из кружки капает на блузку.

– Джаред! – недовольно ворчит мама, поставив кружку на стол и поднимаясь из-за стола и награждая папу смертоносным взглядом.

– Я сделал это специально, – улыбается он, поднимаясь следом и вышагивая за ней. – Мы обязательно поговорим об этом сейчас.

Я бы сказала, что жутко заинтересована в их диалоге, но это далеко не правда. Наоборот, я с удовольствием улизну из дома и как можно скорей. Как много способов что-то выяс-

нить? Возможно, много, но не на данную тему.

– Как дела в школе? – интересуюсь, поворачиваясь к Эйдену.

– Отлично, – говорит он, улыбаясь экрану телефона.

– У тебя есть девушка?

Младший братец поднимает голову и окидывает меня скептическим взглядом.

– Нет.

– Только не говори, что твой кумир – твой старший брат.

– Скорей, анти-кумир.

– Не хочешь быть похожим на него? – хихикаю я, принимаясь за сэндвич.

– Он же придурок, кто хочет быть придурком?

– Девчонки любят придурков.

– И ты тоже? – фыркает он.

– Нет.

– Тогда, у меня есть шансы, – улыбается Эйден, поднимаясь из-за стола.

Он убирает тарелку в посудомойку, и я замечаю, как спешно братец натягивает обувь. Повернув бейсболку козырьком назад, Эйден криком уведомляет:

– Я ушёл! – и выходит за дверь, предварительно сказав мне: – Пока, Мэди.

Устремляюсь к окну и у тропинки, вижу машину, в которую Эйден запрыгивает чуть ли не с разбега, и она тут же исчезает с глаз. Мой тринадцатилетний брат крутится со стар-

шекласниками? Вот это новости.

– Ты идёшь? – спрашивает голос папы, который застыл в пороге.

– Что? Уже всё? – улыбаюсь я, смотря на него. – Ты точно стареешь.

– Ещё слово, и ты пойдёшь переодеваться в то, что понравится мне.

Смеюсь, собирая тарелки со стола и убираю их к той, что принадлежала Эйдену.

– Оставь сегодня кого-нибудь в живых, умоляю, – усмехается папа, когда мама проходит мимо него в новой блузке и вытаскивает из шкафа туфли. Мои любимые туфли. Я продам душу, пообещаю всё на свете, если она отдаст их мне.

– Очень смешно, Картер, я умею водить.

– С Божьей помощью.

– У тебя точно ПМС, – улыбаюсь я, проходя мимо него.

– Кофта, Мэдисон! – с толикой настойчивости, требует он.

– Ага, – киваю я, открывая дверь и выходя за порог дома. –

Пока, мам.

– До вечера, – с улыбкой, говорит она.

Направляюсь к машине и, подойдя к ней, дёргаю за ручку, которая не собирается открываться, из-за чего поворачиваюсь в сторону папы, который с усмешкой смотрит на меня.

– Она не поедет, пока я не увижу кофту.

– Отлично, – смеюсь я, обращаясь к маме, которая уже подошла к своей машине: – Мам, подвезёшь?

– Хорошо, – улыбается она, на что папа закатывает глаза и жмёт на брелок.

– Не хватало, чтобы эта колесница стала ещё опасней. Садись.

Показываю ему язык и довольно улыбаюсь.

Папа не спешит что-то выяснять, заваливать меня вопросами, говорить воодушевляющие слова, которые должны вдохнуть в меня жизнь и мотивировать на предстоящий учебный год. Он прибавляет музыку и выезжает на дорогу, отбивая большими пальцами ритм мелодии на руле. Кресло вибрирует благодаря басам, но мне нравится не создавать иллюзии и не начинать бесполезные диалоги, которые якобы сделают из нас близких друзей или семью года. Конечно, мы семья и достаточно близки, но Эйден был прав, его лучшая подружка в виде моего брата живёт отдельно. Они наверняка понимают друг друга лучше, чем мы. Где-то я папина дочка, но в основном взяла от родителей поровну.

Мне нравится, что Мэйс взял от него много внешних данных. Если сравнить их в молодости, то это будет практически одно лицо, и, если верить маме, характеры тоже. Волосы цветом горького шоколада, которые у каждого из нас, взъерошены и вносят в его внешность некое юношеское обаяние, хотя, глупо отрицать, что его нет сейчас. Стыдно признавать, но да, я бы тоже могла влюбиться в такого, если бы оказалась на месте мамы. Она, конечно, сколько угодно может говорить, что не любит его, но глаза никогда не обманывают.

На губах папы начинает играть улыбка, и я инстинктивно улыбаюсь тоже.

– О, ну давай прекращай, это любимое занятие твоей мамы.

– Что? – интересуюсь я.

– Пялиться на меня.

– Я не пялилась. Я запоминаю тебя.

– Я не собираюсь помирать.

– Ничто не вечно.

– Но не тогда, когда дело касается моей невероятной красоты.

Начинаю хихикать над его самовлюблённостью. Господи, до чего сильно Мэйс похож на него. Они оба до тошноты тщеславны. Я даже не могу сказать, кто больше.

– Ты ужасно самовлюбленный, как и Мэйс.

– Это Мэйс такой же, как я, – исправляет папа.

– Какая разница?

– Я был первым.

– Считай, что уже нет.

– Дёргай из моей машины, – смеётся он, затормозив на парковке.

Продолжая смеяться, ногами нахожу ровную поверхность и высоко задираю нос, горделиво выпрямив спину.

– Домой можешь не возвращаться. Подумай над своим поведением и внешним видом, Мэдисон, мы всё-таки не в логове сутенера.

С этими словами, папа сам закрывает дверцу с моей стороны и продолжает движение дальше, пока я смотрю ему вслед. Я всё ещё не понимаю, что не так с моим внешним видом. На мне лифчик, топ закрывает живот, он даже заправлен в джинсы и прячет грудь, открытыми остаются только плечи. Хотя, ладно, чуть-чуть видна ложбинка, но только чуть-чуть. Он ужасно скучный и придиричивый, когда дело касается меня или мамы, а вот если Эйден или Мэйс предпочтут стать нудистами не только на пляже, но и в повседневной жизни, отсалютует каждому пять. Мой отец сплошной комок неразберихи.

Я не думала, что за время каникул в университете что-то изменится, разве что помещение разбавят новые лица. Первый месяц, в воздухе царит гормональный всплеск, который сопровождается возвышенным тестостероном. Парни потирают ладони, как мухи на варенье, выслеживая каждую симпатичную первокурсницу. Они плетут сети, чтобы какая-то из поступивших попала в них, но вся ирония ситуации в том, что им ничего не нужно делать. Обычно все, кто отлучился от родительского дома и контроля, желают только одного: отрыва. Полного. Безумного. Сумасшедшего. Они хотят попробовать всё, начиная с секса, завершая противозаконными веществами. Чаще всего это завершается банальным: «Я ничего не помню», хотя, бывает хуже. Об этом *хуже* — я не хочу думать, версий целая уйма. В прошлом году одну девочку увозили на скорой, пока медсестра держала рядом с

её головой ведёрко. Теперь её прозвище тошнотик. Не могу сказать, что являюсь исключением, конечно, моё безумие не пускалось во все тяжкие, я продолжаю жить в Нью-Йорке, как делаю это с рождения, но не отказывала себе в посещении вечеринок. И сейчас не отказываю. К счастью и сожалению, у меня есть брат, который бдит за каждым шагом, который делаю; за каждым стаканом, что появляется в моей руке; за каждым парнем, что увивается следом. Он следит за всем. Он везде и нигде сразу. И я не виню его за это. Наверно, на его месте, делала то же самое. По спине пробегает холодок и волна неприятных мурашек, стоит только возвратиться в прошлое.

Стараюсь настроить и вернуть сознание на приятный утренний лад. Больше этого не повторится.

Захожу в аудиторию, и первое, на что натываюсь – мой брат в своём привычном и любимом обличи. Это словно улей или цветник, над которым порхают пчёлки наседки. Как будто он может дать что-то больше, чем плоские утхи на раз. Возможно, может, но не желает и вряд ли кто-то из них будет в списке его номеров, приняв честь быть первой леди университета или любовью всей его жизни. Иногда я действительно боюсь, что он больше не захочет пустить к себе кого-то близко, потому что единственное, что он делает, отталкивает всех. Мы боимся боли. Стараемся избежать её, решив, что это самое болезненное чувство из всех существующих. Это неправда. Гораздо хуже пустота. Когда ничего не

чувствуешь. И даже самая сильная физически боль никогда не перекроет ту тишину внутри, которая образовалась с помощью той самой пустоты. Именно по этой причине я предпочитаю находиться в доме родителей, а не своей квартире. Возможно, многие только мечтают о таком подарке, но периодически посещает ощущение, что стены сгущаются, словно грозовые тучи. Я прикрываюсь удобством и тем, что всегда могу съехать, но на самом деле, это лишь предлог не быть одной. Между мной и Мэйсоном есть большое различие: он предпочитает одиночество, которое называет свободой; я стараюсь находиться в обществе, неважно, семьи или других людей. Я не хочу жить прошлым. Не хочу помнить и вспоминать произошедшее. Хочу искренне верить и стараюсь верить, что все люди разные. Но иногда не могу противостоять, в этом заключается моя противоречивость.

Глаза Мэйса находят меня и озорно блестят. Отлично, он уже что-то натворил, а день и год только начался.

Не тороплюсь вышагивать в сторону брата, направляюсь в противоположную, где вижу Тару. Она улыбается, когда смотрит на экран телефона. Девушка откидывает белокурые волосы за плечи, привлекая внимание мужского пола, на который не обращает внимание и продолжает водить пальцем по экрану. Клянусь Богом и всем, что у меня есть, сейчас она переписывается с Вито. Виктор, вообще-то, очень даже неплохой парень, но Тара называет его тем ещё плохишом, не нужно выяснять, по какой причине, иначе можно считать,

что я поучаствовала в их ролевых играх. Мы привыкли называть его Вито, и он не особо любит полное имя, предпочитая представляться коротким.

Когда оседаю рядом, девушка обращает взгляд ко мне. Её зелёные глаза светятся, как и лицо в целом.

– Передавай привет, – с улыбкой, говорю я.

Тара тут же кивает и строчит новое сообщение. Проходит несколько секунд, как она поднимает голову и сообщает:

– Тебе тоже, – ещё секунда, и я пытаюсь втянуть хотя бы глоток кислорода из-за того, как сильно она стискивает меня в объятиях. Чувствую себя плюшевой игрушкой, у которой нет шансов выжить.

– Боже, – моё кряхтение едва слышно.

– Ты можешь заключить меня в объятия.

– Да, – закашливаюсь я. – Я это сделаю, если ты хотя бы немного ослабишь свои.

Тара хихикает и значительно смягчает хватку. Наконец-то могу протянуть руки и обнять её в ответ.

– Ты начала качаться? – улыбаюсь я, сдвигаясь в сторону.

– Нет.

– Тогда откуда в тебе появилось столько силы?

Она строит обиженную мордашку и игриво толкает меня.

– Я просто скучала.

– Мы могли бы провести хотя бы неделю на каникулах, но ты решила, что в Европе интересней.

– Я звала тебя!

– Да, чтобы я была третьей между тобой и Вито. Это просто ужасно.

– Ты многое упустила.

– Ограничьте меня от детальных подробностей.

– Ты хотя бы сходила на свидание или продолжаешь сидеть запертой в башне?

– Вообще-то ты видела, что я не отказывала себе в разгульном образе жизни.

– Ходить на тусовки и переспать с кем-то – это разные вещи.

– Ладно, я осталась Фионией.

– А твой дракон ни в чём себе не отказывает, – она кивает в сторону Мэйса, который продолжает окружать себя новыми девушками. – И как ему это удаётся? Он почти, как Хью Хефнер.

– Да, только позволяет себе больше. Возможно, он даже переплюнул его.

– Кто знает, может, Хефнер тоже не отказывался покувыркаться с моделями.

Закатываю глаза и отворачиваюсь от этого тошнотворного зрелища.

– По крайней мере, Мэйс это даже не скрывает.

– Я почти смотрю порнофильм, который снимают в общественном месте, – смеётся Тара. – О, а сейчас он нырнёт и выловит рыбку.

Давлюсь воздухом и слюнями, вновь заворачивая голову

в сторону брата.

– Она сейчас их вывалит на стол, – парирую я, наблюдая, как одна из девушек решила воспользоваться преимуществом и показать свою грудь при всех.

– Грех не показать такие сиськи, – выдыхает Тара.

– Фу, говоришь, как перевозбужденный школьник.

– Ладно, у неё отличная грудь.

– Я это вижу.

Действительно, грех не взять верх над другими с такими данными. Сегодня удача на её стороне, и трофей, в виде моего брата, тоже.

– Как это развидеть? – спрашиваю я, стараясь отвести взгляд.

– Легко.

Тара берёт мой подбородок и поворачивает в противоположную сторону. И тут моё сердце делает тройной кувырок, со свистом падая прямо в пятки. Он не замечает меня, но я замечаю его. Я помню тот день от корки до корки, как любимую зачитанную книгу.

Высокая фигура в чёрной толстовке, в которой я бы точно утонула, с маленькой надписью в области сердца, в чёрных, потертых на коленях, джинсах и в белых конверсах, привлекла внимание многих девушек в аудитории. Волосы цвета свежего кофе с редкими более темными прядями, небрежно зачёсаны назад, будто их владелец совершенно не заботится о внешнем виде и наплевал на взгляды других. Золотистого

цвета кожа говорит о многочисленных проведённых часах на солнце. Его лицо смело можно назвать одним из самых красивых, что доводилось видеть. В его глазах хочется пропасть. Они цвета шоколадного печенья, что часто делает мама на кухне, и не выражают абсолютно ничего. Тот, кто сказал, что глаза – зеркало души, не видел его.

Он проходит мимо первого ряда, шагая прямо к лестнице, ведущей к рядам, что повыше, и усаживается в кресло, откидываясь на спинку. Я больше не слышу Тару. Мои глаза сверлят затылок Ди, и тот стыд, что когда-то был, но со временем притих, взрывается и ошарашивает разрядом тока. Я чувствую ужас, страх, стыд, досаду и тоску. Возвращаюсь в прошлое и каждой клеточкой тела, что сейчас бьется дрожью, ощущаю вкус и мягкость его губ. У меня начинает кружиться голова то ли от экстаза, то ли от тошноты из-за совершенного поступка. Та дверь, что я пыталась закрыть, повесив сотню замков, открылась. Все защитные преграды спали, стоило ему только появиться.

У меня останавливается дыхание, когда он ловко ловит какую-то девушку за талию. Вовсе не важно, что она споткнулась, важно только то, что он касается её. И когда эта самая девушка поднимает голову, мне становится как никогда дурно, потому что эту девушку я называю подругой. Анна улыбается ему и что-то говорит, в ответ Ди немного улыбается. Когда-то он улыбался мне, касался меня. Девушка заправляет рыжие локоны за ухо и направляется дальше, пока

я слушаю, как грохочет собственное сердце.

Когда она усаживается рядом, блеск её чёрных глаз отражает меня, словно это не глаза, а зеркала. Кажется, в них разглядываю бледность своего лица. Анна обнимает меня, но я остаюсь в том же оцепенении, что было прежде. Только тогда, когда она отпускает и хмурится, немного оживаю и обнимаю её в ответ. Это лицемерие с моей стороны, но мне просто нужно время. И даже если так жалко, я хочу ощутить Ди, а она была именно той, кого он коснулся сейчас.

Я стараюсь поддерживать беседу, но всё, что говорю, выходит так неестественно и черство, что становится ещё хуже. Я продолжаю смотреть в сторону Ди, когда локоть Тары пихает меня.

– Кажется, у нас есть претендент.

– На что? – улыбочиво отзывается Анна.

– На ОЗМС.

Девочки хихикают, и я могла тоже, если бы чувствовала хоть что-то.

– И что это значит? – с неподдельным интересом, спрашивает Анна.

– Он забрал мое сердце.

– Кто?

– Тот парень в чёрной толстовке на третьем ряду с края.

– Оу... он очень даже ничего, – улыбается Анна. – У него сексуальный испанский акцент.

– Ты узнала это, когда свалилась к нему в руки?

– Почти, ещё он пропустил меня на входе.

– Пожалуйста, хватит, – прошу я, наконец, найдя в себе способность разговаривать.

– Давай, Мэди, – подталкивает Тара. – Всё в твоих руках. Сделай так, чтобы он заметил тебя.

Мои губы вытягиваются в мрачной улыбке. Он больше не хочет замечать меня. Всё, что могу – найти предлог и не делать ничего. Я не знаю, хочу ли попадаться на глаза или лучше избегать его взгляда всеми возможными способами. Так или иначе, Ди не видит меня, и возможно, ничего не придётся делать.

Профессор завершает монотонную лекцию спустя час. Несколько минут трачу на то, чтобы собраться, хотя, собирать нечего, разве что саму себя. Я жду, когда Ди покинет аудиторию, только после этого выпрямляюсь и направляюсь к выходу. Тара и Анна плетутся следом. Они активно продолжают обсуждать Ди. Абсолютно всё. Их мнение построено на воображении, но моё выстроено на знании. Это смешно, ведь я вовсе не знаю его. Я знаю только то, как он целуется, но за прошедшее время всё могло поменяться. Уже подхожу к дверям, но спотыкаюсь и отшатываюсь назад, как от открытого огня.

Я не могу моргнуть, в то время как взгляд Ди холодный и стеклянный. Он проходит мимо, словно мы не знакомы. Он не оборачивается. Не заостряет на мне даже секундное внимание. Я уже не уверена, существую ли на самом деле, и

хочу ли быть реальной. Я хочу исчезнуть. Вижу, что Ди принимает какой-то лист от профессора и вновь проходит мимо, растоптав меня равнодушием. В то время, как я помню и чувствую себя ничтожно, он, кажется, предпочёл забыть и ему это удалось. Как же жалко, что я именно та, кто помнит и думает о поцелуе, как о неземной любви. Я не вижу нарочитого безразличия, словно ему действительно всё равно. Именно так я познаю ту сторону медали, где ощущаю что-то, но не чувствую ничего в ответ.

Вплоть до самого вечера не могу закрыть глаза. Стоит это сделать, и возникает только одна картинка. Несмотря на каменный век в своей квартире, предпочитаю вернуться в неё, а не в дом родителей, где всё поймут спустя секунду. Они не знаю, как низко я могла поступить, но то, что что-то произошло, распознают сразу. Это вырезано на моём лбу.

Проходит час, два, три. Я продолжаю лежать в кровати и смотреть в потолок. Время перевалило за одиннадцать, и за эти несколько часов я соизволила выпить стакан воды. В конечном счёте, заставляю себя подняться и покинуть стены, которые решили сгущаться и издеваться над памятью. Выбираю дорогу ни к дому родителей, а к Мэйсу. Ужасно, что я не в силах бороться и противостоять самой себе. Иногда такое случается. При всем желании оставаться открытой и весёлой, понимаю, что порой это не получается, как бы ни старалась. Каждый человек сталкивается с этим. Каждый может быть редко, но погружается в себя и тот мрак, что суще-

ствует, скрываясь под ярким светом, напоминает о себе. Я не люблю копаться в нём. Не люблю думать, что он есть. Не люблю вспоминать, что он имеется. Я хочу заколотить все щели, из которых он просачивается.

Стучу в дверь, но никаких шумов за ней не раздаётся. Я точно уверена, Мэйс дома. Не знаю, почему, но чувствую. Стучу ещё раз, и вновь никаких отголосков живого по ту сторону. Не знай я родного брата, могла бы развернуться и уйти, либо же продолжать названивать ему без конца и края, но я хорошо его знаю. Лифт туда не поднимается, поэтому проскальзываю через дверь, что скрывается в самом дальнем темном уголке. Мои шаги эхом отзываются в пустых стенах, как только нога касается металлической лестницы. Я никогда не решалась подниматься туда, но сейчас очень нуждаюсь в его компании.

Удивительно, но дверь не скрипит, когда открывается, это происходит без мельчайшего шума. Вероятно, это дело рук Мэйса, очень сомневаюсь, что ему дали ключи и позволили сюда подниматься. От увиденного, у меня перехватывает дыхание и захватывает дух.словно весь город расстелился на ладони и теперь сияет потрясающими красками. Но вместе с этим ощущением прекрасного, чувствую невероятный страх кануть вниз головой.

Как и предполагалось, Мэйсон тут. Он сидит ко мне спиной, опираясь на выступ и раскинув по нему обе руки, словно этот пейзаж эксклюзивно предоставили для него. Когда

занимаю место рядом, он резко поворачивает голову.

– Что... – удивление поднимает его брови. – Мэди?

– Ты даже не боишься? – спрашиваю я, положив голову на его плечо.

– Как ты вообще тут оказалась?

– Ты заставил меня пойти на поиски.

– И ты сразу решила залезть на крышу?

– Там, где высоко, можно найти тебя.

– Нет, не боюсь, – говорит он, дёрнув меня за локон волос.

– Ты же можешь свалиться отсюда, или ещё хуже: тебя увидят.

– Да плевать, эта квартира стоит столько, что у меня должен быть тут личный бассейн и алкогольный бар.

– Папа убьёт тебя, если ему скажут.

– И что скажут? Что владелец квартиры залезает на крышу? Тем более, он уже был тут.

– Был? – удивлённо ахаю я, подняв голову с его плеча.

– В нашей семье только ты не любишь высоту. Ты и Эйден приёмные.

Возмущённо пихаю его в бедро и недовольно ворчу:

– Спасибо.

– А что? Я занимаюсь боксом, как и отец, мама любит высоту и адреналин, как мы. Эйден выбрал хоккей, а ты боишься прыгнуть даже со ступеньки.

– И что?

– Подозреваю, что вас подложили.

– Придурок, – улыбаюсь я.

Не знаю, стоит ли заводить разговор о встрече, которая состоялась спустя годы. Я никогда не говорила об этом Мэйсу, скрыв и подавив произошедший момент. Я хорошо знаю брата, чувствую его всегда и везде, но не могу прийти к реакции, которую могла ожидать. В этом плане Мэйс непредсказуем. Но если учитывать, что, будучи в отношениях с его лучшим другом, уже бывшим лучшим другом, я поцеловала того, кого он тоже знал, можно рассчитывать на гнев и разочарование. Я не хочу, чтобы он смотрел на меня под другим углом. Он, конечно, не в праве судить меня, но в дальнейшем, было бы тяжело видеть его глаза, в которых скрыто разочарование. Я не хочу терять связь с ним. Я цепляюсь за неё, как за спасательный круг.

– Как прошёл день? – спрашиваю, заходя издалека, но блуждая по границе.

Уголки губ Мэйса растягиваются в довольной ухмылке.

– Отлично, меня хотели отчислить.

– Что ты натворил в первый день?

– Уже не помню, но потом я порвал бумаги и бросил их на пол. Ты должна была видеть его лицо.

– Когда-нибудь, он подпишет их принудительно сам, тогда тебе просто сообщат новости.

– Какой ужас, – с сарказмом бросает брат. – Ещё встретил старого знакомого. Думаю, он оценил.

– Оценил?

– Прикрыл меня.

– И кто это?

Челюсть Мэйса сжимается. На шее вздуваются вены и иг-
рают жевалки.

– Ди. Ты как-то виделась с ним.

– Виделась с ним, – эхом отзываюсь. Не знаю, видит ли
Мэйс, что я всего лишь делаю вид, что вспоминаю, но это не
требуется. Я всё помню. И, вероятно, помню не только я.

Мэйс смотрит на меня. Его лицо стало мрачным. Я отчет-
ливо вижу, что медленно к нему подступает ярость.

– Если бы я мог вернуться назад, помог ему, – цедит он.

– В чём?

– Разбить голову Сида об каждый угол ринга.

Проглатываю ком, что застрял поперёк горла и киваю.

– Не будем об этом.

– Клянусь, если когда-нибудь увижу его, просто убью.

– Хватит, – прошу я.

Мэйс награждает меня ядовитым взглядом. Даже в туск-
лом свете вижу, как расширились его зрачки и участилось
дыхание. Знаю, сейчас он не слышит меня, или слышит, но
слишком смутно и не разборчиво, в любом случае, говорю,
что должна:

– Я тоже виновата.

Несколько секунд, и Мэйс вытягивает руку из-под моей
спины, отодвигаясь в сторону. Конечно, он не считает меня
виноватой. Он думает, что я тот самый ангел с нимбом над

головой. И это хорошо. Он не слышит того, что слышу я. В моём сознании эхом звучат слова Сида. Все слова. Я помню каждое, но заостряю внимание только на вопросе, что он повторял несколько раз:

– *Что у тебя было с ним?*

Я не понимаю, как он мог узнать, догадаться или почувствовать, что что-то было, но он был уверен. Он орал что-то про поцелуй, именно про поцелуй, который был. С этого дня начался ад. Бесконечный и жестокий.

Мэйс поднимается на ноги и направляется к двери. Спустя несколько минут, за ним иду я. Он не желает слушать, что я говорю, как смехотворно, ведь сейчас, когда стараюсь донести до него правду, он не желает слышать и принимать. Отчасти, вина на мне, но Мэйс свято верит в мою невиновность. Хотелось бы в это верить тоже.

Постельное уже ждёт меня на диване, когда захожу в квартиру, не найдя взглядом брата. Следом слышу, как начинает шуметь вода в ванной комнате. Включаю камин и расстилаю спальное место. На несколько минут включаю телевизор, но так и не найдя ничего, что рассеет грусть, выключаю его, погружаясь в тишину и темноту. Только камин отбрасывает на плитку тёплый свет, во многих окнах напротив здания, свет погас.

Тяжело лежать и ничего не чувствовать. В прямом смысле. Я могла бы сказать, что у Мэйса слишком холодный диван, но тогда совру, ведь рядом камин, огоньки которого иг-

риво переплетаются между собой и тлеют, поднимаясь выше. Это всего лишь иллюзия, ведь он электрический, но, когда закрываешь глаза и слушаешь треск полыхающей древесины, вполне получается обмануть себя. Время давно перевалило за два, а сон так и не приходит. Я то и дело возвращаюсь на несколько лет назад и прокручиваю то, что сделала: отказалась от чего-то лучше. Если бы не та глупость с возвращением, возможно, ничего бы не случилось. Но всё случилось.

Подтягиваю мягкое одеяло к лицу и втягиваю аромат ополаскивателя. Может быть, мой брат засранец, но засранец, который любит чистое и вкуснопахнущее. И когда я снова пытаюсь расслабиться под приятные звуки, вновь возвращаюсь к прошлому. В конечном счёте, с раздражением подскакиваю с дивана и вместе с одеялом щеголяю в спальню Мэйса. Мне нужно несколько секунд, чтобы ловко проскользнуть на порог и улечься в его кровать. Конечно, держа расстояние. Это всё-таки мой брат, но рядом с ним спокойнее. Хотя, это спорно, ведь он подлетает и смотрит на меня широко распахнутыми глазами, словно я – вор, пробравшийся в квартиру.

Замешательство и непонимание моментально отражается на его лице.

– Это что за нахрен!?

– Я не могу спать одна, – признаюсь я.

Мэйс устало вздыхает и сонно трёт глаза, продолжая оставаться в сидячем положении.

– Нам не пять, чтобы ты бегала в мою кровать. Под дива-

ном нет бабайки.

– Теперь она в моей голове.

– Ладно, – повержено тянет брат. – Хочешь об этом поговорить?

– Нет.

Что-то непонятное пробурчав под нос, он плюхается на подушку и протягивает под неё руки. Кроме того, он разваливается в позе звезды, из-за чего пространства становится меньше.

– Ты не мог бы сдвинуться? – прошу я, толкая ногу на его сторону кровати.

– Нет, – с улыбкой, заявляет он. – Это моя кровать.

– Ты самый большой засранец в мире, Картер.

– А ты самая большая заноза в мире, Картер.

Буркаю и укладываюсь поудобней. Как ни странно, но в следующую секунду понимаю, что улавливаю тот самый желанный покой для сна.

Глава 3

Ди

Открываю тяжелую деревянную дверь с золотистой ручкой, краска которой в большинстве своём отвалилась или стерлась, и захожу в здание, отданное братству. В нос сразу ударяет терпкий запах алкоголя и кучи грязных вещей, причём запах настолько едкий, что глаза начинают слезиться. Смотрю по сторонам холла и не вижу ни одной живой души, по этой причине решаю провести себе экскурсию, с каждым шагом желая не наткнуться на тело, захлебнувшееся в своей рвоте. Сейчас почти вечер, и что-то подсказывает мне, парни не были сегодня на ознакомительных лекциях.

Груды жестяных бутылок, стеклянные практически все разбиты, пустые пачки чипсов, белые дорожки и наконец-то живой человек, хотя по его виду не скажешь. На диване лежит худощавый парень и из-за высокого роста ему пришлось перекинуть половину ног за диван, положив их на подлокотник. Его лицо выглядит неестественно бледным, чёрные волосы мокрые и спутанные, но на лице блаженная улыбка.

Подхожу к нему и хлопаю ладонью по щеке, которая, к моему сожалению, оказалась мокрой – скорее всего слюни. Сжав губы, вытираю руку о штаны и пихаю парня коленом в бок, но он все так же спит. Вдруг он начинает облизываться

и кряхтит:

– Пошёл на хрен, Бобби.

Секунду медлю, прежде чем ответить:

– Похоже, он уже там, – если его нет на первом этаже, то он может быть на втором, но это я не собирался говорить только что очнувшись парню с жутким запахом изо рта и скорее всего больной головой.

Глаза парня резко открываются и в шоке смотрят на меня. Он оглядывает меня с ног до головы и визжит.

– Мы все вернём, мужик, только скажи, где Бобби? Просто вчера совсем загулялись и забыли про это, не обессуди, – хриплым голосом с примесью испуга, говорит он.

Нервно дёргаю плечом. Тупые стереотипы. Не все испанцы должны быть торговцами.

– Понятия не имею, где Бобби. Может, умер где-нибудь здесь от передоза, – резко отвечаю ему. – Что более вероятно.

Его глаза округляются ещё больше.

– Нет-нет, не забирайте его.

Я заметил застывшие слёзы в его глазах. Больше мучать доходягу не видел смысла.

– Расслабься. Тебе в следующий раз стоит запоминать барыг в лицо, чтобы избежать таких ситуаций. Перед тобой мог быть кто-то менее благородный, и заставил бы вывернуть штаны, оставив без цента.

Но тело парня действует обратно моим словам. Он дёрга-

ется, садится на диване, повернув голову в мою сторону, и тяжело дышит.

– Какого хрена ты тогда здесь делаешь? – уже более грубо спрашивает он. Наконец-то правильные вопросы.

– Теперь я также состою в братстве.

– Вместо Бобби? – парень вздыхает.

Закатываю глаза от этого придурка.

– Понятия не имею.

Что-то или скорее кто-то смеётся за диваном, издавая хныкающий звук:

– Чувак, не кипишуй, я здесь.

Парень тотчас подпрыгивает на диване, быстро встаёт и заглядывает за его спинку.

– Слава яйцам, Бобби, я думал тебя забрали и продали на чёрном рынке, – на его лице расцветает облегчение.

– Ага, я слышал. Ты так переживал, что даже не чувствовал, как я толкаю спинку дивана от смеха.

Парень тянет руку вниз и слышится характерный хлопок.

– Зачем по животу, идиот!?! – кряхтит тот, что за диваном.

– Пошёл ты, дегенерат. Больше никогда не буду париться из-за твоей жирной задницы.

– Не веди себя как киска, Фэйт. Клянусь, это было лучшее пробуждение после пьянки. Даже взрывающаяся голова прошла, и все благодаря тебе.

Фэйт показывает средний палец дивану и проходит мимо меня, бросив напоследок хмурый взгляд в мою сторону. Ко-

гда он хлопает дверью, парень за диваном хохочет ещё громче.

– Эй, ты ещё там? – спрашивает он.

– Тебе помочь вылезти оттуда? – догадываюсь я.

Слышу робкий ответ:

– Да, неплохо было бы. Не помню, как сюда залез.

Подхожу к проему между диваном и стеной, протягивая руку вниз. Тут же за неё цепляется парень, который по ощущениям весит не меньше двух ста фунтов. Тяну его на себя и наконец вижу второго жителя этой обители. Достаточно высокий, но не выше меня, увесистый темный парень с блестящей лысиной белозубо улыбается и хлопает меня по плечу.

– Спасибо, дружище. Черт знает, что бы я делал без тебя. Саймон и Фэйт слишком хилые, – говорит Бобби.

Киваю, отвечая согласием. Фэйт и вправду выглядел тощим, но не из-за физиологии. Я не раз видел торчков, и все они костлявые. Вероятно, этот тоже не знает, когда необходимо остановиться.

– Что насчёт братства? У вас есть свободная комната?

Бобби задумчиво чешет затылок.

– У нас есть четыре комнаты. В трёх спим мы, четвёртая принадлежит Льюису. Но он обычно ночует в соседнем доме девчонок. Думаю, мы можем попросить у главного ещё одну кровать. Ты мог бы жить с Льюисом, в конце концов, он вечно с Тори и вряд ли будет иначе.

– Он появляется здесь?

– Бывает, конечно, но редко. В выходные дни может заскочить к нам порубиться в плойку, а ещё каждую пятницу месяца мы собираемся здесь и устраиваем вечер полной пьянки. Он тоже приходит, бывает остаётся на ночь. Но ты и сам понимаешь, что комната ему будет не нужна в его состоянии.

– Тогда даже не стану заморачиваться насчёт новой кровати.

Бобби пожимает плечами.

– Нет проблем. Но для начала обсуди это с Льюисом, вдруг у него были планы на комнату.

– Можешь дать его номер?

Разговор с Льюисом был довольно коротким, но содержательным. Он без проблем отдал мне свою комнату, предупредив, что даже не обставлял её, кроме кровати, шкафа и тумбы там ничего нет. Зайдя в комнату, я понял: мне ничего и не нужно больше. Это вполне достаточно на три месяца, что я проведу здесь.

Кидаю сумку в угол и падаю на кровать, вытащив телефон. Набираю номер Джея и слушаю гудки в ожидании ответа.

– С днём засранца, Джей.

– Пошёл ты, – сонно бухтит друг.

Не замечаю, как на моем лице расплывается улыбка. Похоже я и вправду скучал по нему.

– Как ты? Ещё не оказался на улице?

– Пока нет, спасибо, что спросил. Но дело дрянь: малень-

кие мешки с костями не выходят на связь. Думаю, стонять до их трейлера и проверить. Если Всевышний сегодня на моей стороне, то они будут ещё тёпленькими, – чувствую, как все во мне напрягается.

– Джей...

– Даже не думай. Слышу по твоему голосу, что ты уже собрал свои манатки и начал искать билет обратно, но не стоит. Я сам решу эту проблему, – его голос звучит ниже обычного. – Сам как?

Задерживаю дыхание на секунду, чувствуя, как сжалось сердце.

– Я видел её. Впервые после того раза.

Слышу рваный вдох.

– Ты серьезно, мужик? Надеюсь, ты дал понять, что она и волоска на твоей заднице не стоит?

Закатываю глаза, невольно воспроизводя в голове картинку нашей встречи. Я уже возвращался за расписанием, когда она почти врезалась в меня. Всё такая же маленькая, хрупкая, но без привычного блеска в глазах. При виде Мэди, мне стало паршиво на душе, к тому же роль сыграла неожиданность, поэтому я повёл себя как болван.

– Я просто обошёл ее стороной. Но уверен, что выглядел при этом, как дебил.

– Ты же не собираешься даже завязывать с ней общение? – с подозрением спрашивает Джей. – Тебе напомнить, как сох по ней, а она опрокинула тебя на лопатки? Девчонке нравят-

ся мудаки, так что иди подальше от неё.

– Я и не собирался. Все в прошлом. Тем более я кажется нашёл ту, с кем можно развлечься, – чувствую себя слишком жалко, потому хочется ударить себя с кулака.

– И кто она?

– Она буквально упала мне в руки.

– Банально. Неужели женщины не могут придумать что-то более оригинальное. Ладно, и что в ней такого?

Секунду молчу и выдаю первое попавшееся:

– Она довольно милая.

– Милая? Ты серьёзно сейчас? Она же не котёнок.

– Тогда иди на хер, – рявкаю в ответ, не выдержав.

– Сам иди на хер.

Мгновение мы молчим, прежде чем взорваться со смеху.

Больше получаса мы разговариваем обо всем, о чем только можно, пререкаемся друг с другом, пока Джей не вырубается. Смотрю на часы и не удивляюсь тому, что сейчас уже поздний вечер. Парни кричали что-то о доставке пиццы, но я был слишком занят, чтобы даже почувствовать голод. В конечном итоге, раздеваюсь до боксеров, расстилаю постель и ложусь спать, и, уже будучи одной ногой во сне, до меня доносится писк телефона, на который не обращаю внимание.

Ранним утром чувствую, как что-то влажное и шершавое касается моей щеки, прежде чем громкий лай оглушает сознание. От неожиданности и растерянности, не глядя, толкаю предмет шума, и нечто скулящее грохается на пол.

– Жерар! – зовёт чей-то голос по ту сторону двери в мою комнату, а затем стучит в неё.

Протираю глаза и с пассивной агрессией, полыхающей внутри, отвечаю:

– Войди.

Темноволосая кудрявая голова парня залезает в дверной проем. Его маленькие глаза бегают по моей комнате, в поисках Жерара, имя которого кричал секунду назад. Пятый сосед?

Из-под кровати вылезает большой лохматый рыжий пёс неизвестной мне породы. Его морда говорит об обиде, которую он затаил на меня за толчок с кровати.

– Вот ты где, – с облегчением вздыхает парень и проскальзывает в мою комнату. Он садится рядом с Жераром, который все ещё смотрит на меня с осуждением, и гладит его по голове. – Нельзя забегать в чужие комнаты, понял меня?

Собака, словно что-то разобрала из его слов, фыркает.

Сосед снисходительно улыбается ей и оборачивается в мою сторону, начиная чесать Жерару за ухом.

– Привет. Я – Саймон, мы не знакомы. А ты Ди, парни уже рассказали про тебя. Извини, забыли предупредить о нём.

– Все в порядке. Не знал, что можно заводить питомцев в братстве.

Саймон хмурится.

– Никто не знает. И не должен узнать, ладно?

– Нет проблем.

Жерар снова фыркает, встаёт с задних лап и грациозно следует к двери. Напоследок вильнув хвостом, пёс выбегает из комнаты.

– Он обычно воспитанный, но сегодня особый случай. Ты новенький, а Жерар обожает новых людей. Наверное, потому что не видит никого кроме нас. Сам понимаешь, здесь даже выгулять его нельзя. Если кто-то увидит, то нас вышвырнут вместе с псом.

– Ты привёз его из дома?

– Нет, это вообще не наш пёс. Мы его украли.

Удивлённо смотрю на него. В приглушенном утреннем свете его маленькая улыбка кажется смехотворной.

– Украли?

– Да, – он виновато чешет затылок, словно пёс был моим. – У одной из девчонок соседнего сестринства был щенок. Но он был несчастен с ней. В доме была пьянка, и мы нашли его скупящегося под лестницей. Она даже толком не играла ним, понимаешь? Поэтому одной ночью забрались в дом и выкрали его.

– Ты серьезно сейчас? Она даже не искала его? – парень, производивший вид довольно взрослого человека мозгами, рассказывал мне какую-то детскую историю с серьёзным лицом. Я не могу поверить в это.

– Ей было на него плевать. Так что мы дали ему кличку Наркобарон Жерар, теперь он наш верный собутыльник. Кстати, не советую пить с ним. Бобби уже пытался и потер-

пел серьезное поражение, втоптавшее его достоинство, а точнее его остатки, в грязь.

Протираю лоб, отказываясь верить в это, пока не начинаю смеяться.

Саймон указывает большим пальцем себе за спину.

– Там остались остатки вчерашней пиццы. Будешь?

– Нет, можешь отдать Жерару. Ему нужнее, уверен.

– Круто. Спасибо, Ди, – с этими словами он выходит из комнаты.

Смотрю на часы на прикроватной тумбочке и подскакиваю. Через десять минут начнётся первая лекция, а будильник я, должно быть, забыл поставить, из-за чего сейчас буквально могу быть на грани. Первую пару ведёт мистер Бартон. Парни уже предупредили о том, насколько этот сукин сын зловредный, и пусть играть с огнём в моих правилах, я всё же не хочу заполучить врага, которому не могу продемонстрировать силу кулака и у которого в руках моё обучение. Если хотя бы по одному предмету выйдет ниже среднего балла, меня выбросят без привилегий.

Быстро натягиваю первые попавшиеся вещи и пока спускаюсь по лестнице, успеваю пролистать ленту. Хмыкнув, сую телефон в задний карман джинс.

Прохожу мимо кухни в сторону коридора и слышу свист.

– Вот это мужчина. Почему не сказали, что к вам подседали Бога?

Ноги прирастают к земле. С недоуменным лицом обра-

чиваюсь и вижу сидящую за круглым столом девушку в очках с круглой оправой, растрёпанными белыми волосами, не доходящими даже до плеч. Она сидит, закинув ноги на стол, с куском пиццы в руках и глазеет на меня.

– Кристал, тебе ещё рано смотреть на парней, – басит Бобби с дивана, быстро нажимая на джойстик. Рядом с ним сидящий Фэйт смеётся.

– Не рано.

– А я сказал рано, – парень оборачивается и грозно смотрит на Кристал. Но та продолжает смотреть на меня.

– Сегодня я свободна, – говорит девчонка, игнорируя Бобби, и я буквально поперхнулся.

– Он не пригласит тебя на свидание, Кристал, – объявляет Саймон, проходя в комнату.

Яркие желтоватые глаза девушки округляются.

– Он что, гей?

– Нет, – говорю я, но Бобби довольно резко отрезает вместе со мной:

– Да.

Сосед смотрит на меня, сощурившись, и медленно повторяет:

– Ди определённо гей, Скарлет. Самый настоящий. Так ведь?

Киваю ему и обращаюсь к девчонке, наблюдающей за мной с ужасом, хотя ещё минуту назад в ее глазах было восхищение. Девочки-подростки – это слишком сложно для ме-

ня. Хотя, парни тоже, если учитывать Рамо.

– Извини, – пожимаю плечами и выхожу из кухни в холл. Разбираться с этим нет ни желания, ни смысла.

Стоя перед зеркалом, наспех поправляю растрёпанные волосы, чтобы не выглядеть как бродяга с улицы, когда ко мне со спины подходит Фэйт.

Он хлопает меня по лопатке и смеётся.

– Спасибо за это. Поверь, крыша Бобби уже съехала, он вечно следит за Скарлет, у которой всплеск гормонов. Она хочет запрыгнуть на каждого первого парня, и уверен, она делает это только для того, чтобы бесить его. У неё классно получается.

– Она его сестра? Они не особо похожи.

– Это моя кузина, а Бобби просто сохнет по ней. Я давно сказал, мне плевать, но он не слушает. Втирает про возраст, хотя старше ее всего на два года. В любом случае, мы все предпочитаем делать вид, будто ничего между ними нет.

Смотрю на приоткрытую дверь, откуда доносится ворчливый голос Бобби.

– С каждой секундой здесь, вы удивляете меня все больше и больше.

– Это ещё не все, так что приготовься.

Глава 4

Мэди

– Я хочу купить железное нижнее белье для тебя, – говорит папа, отпивая кофе из кружки. Его взгляд сверлит меня и во лбу за долю секунды образуется чёрная дыра.

– Для чего?

– Так, на всякий случай. Ключ будет только у меня, никаких запасных.

Мама вскидывает бровь, смотря на него, как на безумца, у которого волосы начали расти на каждой частички тела.

– Ты преувеличиваешь, – вздыхаю я. – Я всего лишь вернулась после полуночи. Говорила же, была у подруги, мы не виделись все каникулы.

– А я всего лишь хочу купить тебе стальное нижнее белье.

– Даже если ты его купишь, это не значит, что я буду его носить и вообще подпущу тебя к себе, чтобы добровольно его принять. И мы говорим о чём-то конкретном? Потому что я не улавливаю смысла.

– А какой смысл ты хочешь уловить?

Мама давится то ли воздухом, то ли кофе, когда отслеживает ход моих мыслей. Она начинает хихикать, пытаюсь скрыть это за кашлем, на что папа поворачивает своё беспристрастное лицо в её сторону и выгибает бровь. Он явно в

замешательстве, но спустя несколько секунд недобрый огонёк вспыхивает в его глазах. Кажется, он наконец-то уловил основную суть моих слов. Мы все взрослые люди, и понимаем, о чём я пытаюсь донести обходными путями.

– Я отказываюсь говорить про это, – раздражено фыркает он. Кажется, на его лице отрешение и категоричность, мешающаяся с отвращением.

Ещё несколько секунд, и он с грохотом ставит кружку на стол, из-за чего кофе расплескивается через края, марая поверхность.

– Черт, нет! – стонет он. – Нет! Нет! Гребаный миллионный раз нет!

– Почему миллионный? Перед миллионным разом ты сказал только три, – улыбаюсь я.

– Дерьмо! – продолжает он, запуская пальцы в волосы. – Ни за что!

– О чём ты вообще? – мама и я открыто хохочем над его отрицанием. – Хочу знать, о чём ты думаешь.

Папа вскакивает со стула и грузно шлепает босыми ногами по плитке. Его фигура скрывается за повтором, слышны лишь проклятия и отборный мат, который постепенно утихает, когда он испаряется на втором этаже. Встречаюсь с глазами мамы, которые озорно блестят, когда она делает очередной глоток напитка и смотрит на меня поверх кружки.

– Ты доведёшь его сумасшествия, – улыбается она.

– Мне нравится видеть его растерянным.

– Не делай это больше одного раза в полгода, иначе мы лишимся основного кормильца семьи.

– Ой, как будто тебе не нравится шутить над ним.

– Он всё ещё планирует повесить на твою кровать розовый балдахин и купить светильник с надписью «солнышко», а ты решила говорить с ним об оральных ласках.

– Не могу устоять перед искушением. Я всё же единственная, кто может это делать.

– Ладно, – соглашается мама, не скрывая лучезарную улыбку. – Но не часто. Где твоя машина и что с квартирой?

Вздрагиваю, когда кто-то или что-то грохочет в парадной. Я думаю на папу, в котором ни на шутку разыгралось воображение на мой счёт. Смешно, что он и Мэйс придерживаются в отношении меня или мамы чуть ли не святых суждений, в то время как сами далеки от марали невинных святош. Уже несколько раз я пыталась выколоть себе глаза, лишь бы разведеть то, что видела по части Мэйса. Отвратительно наткнуться на брата, который засовывается свой член в какую-то девушку, имя которой даже не пытается узнать. А если увижу папу, так вообще придушусь веревкой на том же месте. Мне совсем не хочется знать, что происходит за дверью родительской спальни. Пока радуется только Эйден, но нутро голосит, что и он близок к тому омуту, где носит Мэйса.

К счастью, говоря о младшем брате: это он перепрыгнул ступеньки и выскочил из дома, попутно попрощавшись с на-

ми. Я даже не разобрала, что он прокричал, а мама только успела открыть рот, вероятно, хотела узнать об ужине, который он решил пропустить.

– Мэди, – ещё раз зовёт мама, и я возвращаю внимание к ней.

– Да?

– Что с машиной и квартирой?

– Я не хочу на ней ездить, ты же знаешь. Собрать кучу пробок, приехать под конец лекций, чтобы уехать снова. А квартира... там же отключили воду.

Она скептически выгибает бровь, смотря куда-то глубоко в меня. На секунду кажется, что сейчас ложь всплывёт наружу, потому что горячую воду должны были включить сегодня утром.

Мама делает глоток кофе, продолжая смотреть на меня, из-за чего я хожу по грани выпалить правду.

– Если хочешь пожить дома, то так и скажи.

Выдыхаю и подавлено киваю.

– Хочу. Я чувствую себя там одиноко.

– Твой брат явно не разделяет это мнение.

– Это же Мэйс, у него своя территория. Он там горем может устраивать, а тут такого шанса нет.

– Думаю, дело в другом.

Иногда меня пугает, что нас можно раскусить, но мы слишком упёрты и готовы отстаивать ту теорию, которую сочинили. Да, для них это случайное совпадение, что Мэйс

разошёлся с Эмили, а я с Сидом одновременно. Так вышло. Спереть всё на то, что мы близнецы и думаем одинаково – лучший метод.

– Даже если так, это его решение, – завершаю я. – Он явно ничего не расскажет.

Хитрая улыбка мамы довольно небезопасная эмоция.

– Как и ты. Как прошёл первый день?

– Первый день... – мой голос звучит эхом, потому что я возвращаюсь в тот самый момент, что бетонной плитой давит нутро. Он даже не наделил меня крохотным вниманием, просто прошёл мимо. Даже Анна получила больше, чем я. Тяжело понимать, что он ходит по тем же коридорам и вдоль тех же стен, что и я, но вчера мы не виделись, всего лишь позавчера.

– Ладно, видимо, не очень.

Выдавливаю улыбку, которую приходится выдавать за правду каждый раз, когда дело доходит до серьёзных разговоров, где спрашивают, как я себя чувствую.

– Ничего необычного, – говорю я, чтобы не выглядеть до тошноты жалко. Хреновая из меня лгунья, хотя всегда казалась отличной. – Новые первокурсницы, на которых ставят парни; куча тематических вечеринок в братствах, где все как обычно напьются и забудут собственное имя; опять ранние подъемы и скучные лекции. Ничего нового, ты тоже была студенткой.

– Из меня вышла плохая студентка, я даже не успела по-

веселиться, – хихикает мама. – Во всём виноват...

– Папа, – поддерживая её смех, киваю я.

– Загубил мою молодость.

– Ты сейчас серьёзно? – с возмущением, спрашивает папа, возникший в дверном проёме.

Глаза мамы поблескивают весельем, когда она отпивает свой кофе и ставит кружку на стол.

– Я многое упустила, – заявляет она. – Даже не успела попробовать дурь, а сейчас уже поздно.

– Никогда не поздно, мам, – улыбаюсь я, видя, как мрачнеет лицо папы. – У меня в квартире где-то завалился пакетик, мы можем наверстать упущенное.

– Мэдисон! – напыщенно ворчит папа, пронзая меня убийственным взглядом.

Поднимаю руки и, косясь в сторону мамы, сообщаю:

– Шучу.

Он закатывает глаза и фыркает, стоит мне только склониться над столом и прошептать:

– Я пошутила, у меня два пакетика, повторим дважды?

– Ты под домашним арестом, – довольно уверено отрезает папа.

– Не позволяешь нам, зато сам наверняка пробовал и не раз, – бесстрастно парирую я, после чего обращаюсь к маме: – Ты же не подобрала его в библиотеке?

– Я бы сказала, где подобрала, но он придёт в бешенство, – выдыхает она.

– О, ну скажи, даже мне интересно, – фыркает папа.

– Ты уверен, что я должна это говорить твоей дочери?

– Ты забросила удочку и сейчас пытаешься её вытащить сухой.

В глазах мамы вспыхивает недобрый огонёк, и я уже жалею, что начала данную тему.

– Твой отец застёгивал ширинку, когда выходил из спальни на вечеринке. Там нашёлся.

– Серьёзно? Ты вспоминаешь это дерьмо спустя двадцать лет брака?

– Ты сам захотел, чтобы я сказала.

– Тогда вообще ничего не было. Я ходил в туалет, а она прицепилась. Я просто ничего не говорил.

– Ну, да.

– Там были охренительные очереди, нахрена я буду топтаться в этой кучке, если могу заглянуть к кому-то из парней!?

– Хочешь это вспомнить и обсудить?

– Не хочу. Ты познакомилась со мной в вашей квартире. Там ты меня нашла.

– Да, а потом она же висла на твоей шее. Какие-то дурацкие совпадения всё время были именно с ней.

– Этот разговор начал перерастать в вашу ссору, – хмуро говорю я, бегая глазами между родителями.

Папа что-то буркает и покидает кухню. Слышу, как его шаги удаляются на второй этаж.

– Зачем ты вспомнила? – тихо спрашиваю я.

– Потому что не бывает чего-то идеального, Мэди. Не только он совершал ошибки, я тоже. Все их совершают. И мне кажется, что ты совершила, просто выбрала хорошее прикрытие. Глупо думать, что я не вижу по тебе или Мэйсу. Это ваше личное, просто исправь, если есть такая возможность. У меня получилось. И у твоего отца тоже.

Она поднимается из-за стола и ставит пустую кружку в раковину.

– Пойду исправлять ещё одну, – с улыбкой завершает мама, направляясь к выходу из кухни.

– И как ты планируешь её исправить?

Мама жмёт плечами, как будто это обыденность для неё.

– Поговорить с ним.

– Я знаю, как разговаривают.

– Ты ничего не исправишь таким способом, разве что на время, рано или поздно всё равно вернётесь к недопониманиям. Лучшее решение – выслушать друг друга. Это было для тебя.

– Что для меня?

– Весь этот спектакль.

– Ты рисковала своими отношениями ради того, чтобы показать что-то мне?

– Меня и твоего отца не разлучит даже Моисей или смерть. Метод проб и ошибок, Мэди. Просто извлеки из этого урок.

Провожая её взглядом и выдыхаю.

Может быть, я что-то не понимаю, и, вероятно, так оно и есть, потому что я многое не понимаю. Если уходить глубоко внутрь себя, то это то же самое, что рыться в золе, стараясь найти нужный уголёк и пытаться превратить его в идеальный кусочек дерева, чтобы снова сжечь. А я многое сожгла.

Эйден смылся куда-то, Мэйс, скорей всего, слишком занят очередной попавшейся юбкой или тренировкой, родители будут разбираться в своих отношениях наверняка желая провести вечер пятницы наедине, получается, я осталась в одиночестве. Это провоцирует взять телефон и влиться в групповой чат с девочками, которые, как оказалось, за это время успели решить всё за меня или нас. Ещё минуту назад, я не догадывалась о том, что за мной заедут в десять и увезут на вечеринку по случаю начала учебного года. Они даже успели перебрать все варианты и остановиться на одной, где нет дурацкой тематики с поводом и без. Итого, у меня пара часов на то, чтобы привести себя в порядок и выбрать «секси» наряд, как потребовала Тара. Если дресс-кода нет на вечеринке, то он есть у моей подруги. Анна решила не спорить и поддержать её инициативу, она даже успела сделать несколько снимков с платьями на плечиках, получив ответные. В отличии от урагана в виде Тары, которая отправляла фотографии у зеркала, кривляясь и строя милые мордашки, Анна ограничилась тем, что на каждой показывала язык. И последнее отправленное сообщение от Тары гла-

сит: «Мэди?», на которое Анна отвечает: «Она вышла из чата или просто нас игнорит». Поверить не могу, что несмотря на свою кардинальную разницу, они легко ладят. На фоне спокойного характера Анны, Тара кажется самым настоящим смерчем, сметающим на своём пути абсолютно всё живое и нет. Но иногда и Анна может уйти в такой отрыв, что даже мне становится страшно.

Быстро набираю ответ, чтобы приступить за сборы, и бегу в комнату.

Я примеряю все платья, которые имеются в шкафу, но ни одно из них не приходит по вкусу. И тогда я иду ва-банк: бегу в гардеробную, где по доброте душевной хочу одолжить одно из платьев мамы. В конце концов, выбираю красное, что держится на груди и приходится чуть ниже колена, имея преимущества в виде разреза посередине. Мне не придётся передвигаться, как пингвину, и оно достаточно комфортно сидит на теле, благодаря чему можно двигаться. Стягиваю с полочки открытые чёрные туфли, на которые засматриваюсь, как и на те, что в парадной, и незаметно выскальзываю из комнаты в свою. Удача. Дело сделано.

После душа оставляю волосы в их привычном положении: прямыми локонами, и вновь пользуюсь тишиной в доме, заглядывая в гардеробную, где использую косметику мамы. Нахожу идеально подходящий оттенок помады, что перенял цвет платья и подкрашиваю глаза тушью. Мой образ готов очень вовремя.

Ладонями разглаживаю платье, делая несколько кругов вокруг собственной оси напротив зеркала и улыбаюсь.

Стараясь не касаться каблуками плитки лестницы, спускаюсь вниз и перекидываю сумочку через плечо, зная, что девочки уже ждут в машине Вито. Удача больше не на моей стороне, потому что за спиной слышу кашлянье, которое провоцирует застыть у двери.

– Какого хрена!?! – недовольно рычит папа.

Тихо выдыхаю и оборачиваюсь, выпрямляя спину, скрываться больше ни к чему. Если его глаза не способны метать искры чистой ярости, то это очень странно, потому что я чувствую каждую. За его спиной появляется мама, брови которой взлетают на лоб, когда она осматривает меня с ног до макушки.

– Прости, мам, – хмыкаю я. – Не хотела тебя отвлекать, а из моего ничего не понравилось.

– Ладно.

Её ответ, кажется, растерянный, но спустя минуту, уголки губ немного приподнимаются, чего не сказать о папе. Пошляю ему воздушный поцелуй, который явно разозлил ещё больше и выскальзываю за дверь, слыша, как начинает смеяться мама. Надеюсь, она сможет его утешить. Гипер забота, которой меня окружил он и Мэйс, иногда может свести с ума. Я не яйцо, над которым нужно сидеть веками.

Быстро перебираю ногами в сторону машины, что остановилась у тротуара, и запрыгиваю в открытую дверцу. Ко-

нечно, при желании, папа может догнать и вытащить меня силой, но на пороге дома так никого и не появляется, а это говорит о том, что маме удалось сгладить его негодование.

– Это даже больше, чем секси, – широко улыбается Тара, разглядывая меня с пассажирского кресла.

– Я постаралась не разочаровать тебя, – отзываюсь, конечно, понимая, что это глупая девчачья лесть или сарказм.

Обращаю взгляд к Вито, который окидывает каждую из нас взглядом и трагично выдыхает, зная, что не способен повлиять на выбор.

– Привет, красавчик, – улыбаюсь я.

– Не подлизывайся, это уже сделала Тара, – говорит он, сверкнув зелёными глазами в зеркало заднего вида.

Его девушка играет бровями и, потрепав русую копну парня, улыбается нам. Знаю, к чему она прибегла для разрешения конфликта. Закатываю глаза и хихикаю. Анна в своём синем платье, что непозволительно открывает идеальные ноги и одно плечо, суёт два пальца в рот издаёт и рвотные звуки, над чем смеюсь ещё больше. Тара показывает язык Анне, а я набираю сообщение Мэйсу, надеясь, что сегодня он остался дома. И небеса сжалились надо мной, потому что ответ приходит моментально. Сегодня в его планы не входит находиться где-то, кроме зала.

Огромная толпа, что с трудом помещается в доме, практически сносит с ног. Меня обволакивают десятки незнакомых людей, и я успеваю зацепить ладонь Тары, что блистает

в сногсшибательном белом платье, словно пришла на ковровую дорожку, а не в братство. Слишком быстро в руке появляется стаканчик, но я ставлю его на первую попавшуюся ровную поверхность. Никогда и ни за что не приму из рук незнакомца выпивку. Мне удаётся взглядом уловить неоткрытую бутылку текилы и вовремя ухватиться за неё. Там точно ничего нет, по крайней мере, если кто-то не научился технике добавлять что-то внутрь не сняв крышку.

Улыбка Тары становится намного шире, когда я поднимаю руку и показываю улов.

– Ты не теряла время, – перекрикивая музыку, смеётся она.

Анна поднимает свою руку и показывает упаковку чистых стаканчиков. Ещё один отличный улов. Никто из нас не горит желанием трогать те, что уже были использованы.

Спустя десять минут, чувствую, как по телу начинает бурлить кровь, появляется некая эйфория, благодаря которой желаю получить свою дозу положительных эмоций. Автоматически начинаю двигаться под ритмы музыки, вибрация которой проникает под кожу и поднимает мурашки. Стоит только закрыть глаза и уйти в мир грёз, поддержав толпу. Тара разделяет мой порыв и тоже поддаётся энергетике, двигаясь рядом, в отличии от Анны, которая решила куда-то пропасть. Но ни я, ни Тара за неё не переживаем, она скорей выжжет это место дотла, чем какой-то парень сунет руку под её платье. Это уже проверено. И ни один раз. Бедные парни,

что когда-то встретились с ней лицом к лицу, ещё наверняка приходят в чувство.

Я застываю, когда открываю глаза и первое, что попадает в поле зрения – Ди. Опираясь бедром на столешницу, он закидывает голову назад и смеётся, тогда-то я и перевожу взгляд на его собеседника. Текила, что так легко скользила по стенкам горла, сейчас желает выбраться наружу. Анна тоже улыбается, активно жестикулируя руками и рассказывая ему что-то с открытой заинтересованностью. И тогда, когда её пальчик указывает в нашу сторону, а голова Ди поворачивается в его направлении, губы парня образуют тонкую линию. Он несколько секунд смотрит на меня, после чего переводит взгляд на Тару. На его губах снова возникает улыбка, когда он отворачивается и продолжает вести диалог с Анной. У меня начинают подкашиваться колени, а каждая клеточка тела, что недавно млела под битами музыки, словно отмирает и больше ничего не чувствует.

Тара продолжает танцевать, а я хочу любым способом вывести себя из транса, которое равняется состоянию оцепенения и пустоты. Именно по этой причине отклоняюсь в сторону и падаю на первый попавшийся диван, где куча парней передаёт косяк, сделав затяжку. Когда он доходит до меня, я несколько секунд растеряно бегаю глазами по компании и убираю руку незнакомца в сторону, отказываясь от подобного развлечения.

– Есть обычная сигарета? – спрашиваю я.

Тут же перед лицом появляется несколько предложенных вариантов. Выбираю не глядя, потому что совершенно не разбираюсь в них. У меня начинает кружиться голова уже после первых сделанных затяжек. Перед глазами всё идёт кругом, а в голове не иначе, как чистейший дурман. Я даже не курю, но почему-то делаю это сейчас, идя на очередную глупость. Текила, которую приносит Тара и вручает очередной стаканчик мне, добавляет масла в огонь, и тогда я забываюсь полностью, потому что принимаю порцию дыма изо рта какого-то незнакомца. Сигарета исчезает из рук, ведь я перехожу на тяжелую артиллерию. И это последнее, что я запоминаю.

Голоса слышатся словно через сон, но я однозначно не сплю, слыша музыку и рёв толпы. Чьи-то руки поднимают моё безвольное тело и тащат куда-то, но я не в состоянии произнести слово. Где-то внутри ощущаю бешеное биение сердца, из-за чего пульс долбит по барабанным перепонкам, но и это не помогает очнуться и очистить сознание.

Кажется, что проходит пять минут, как в мой сладкий сон врывается чей-то громкий визг, что действует на меня, как тарелки у той обезьянки из мультиков. Быстро принимаю сидячее положение, сонно потирая глаза и пытаюсь осознать, что я и где я. Оглядываюсь и обрывками вспоминаю, как оказалась на диване в квартире Мэйсона. На мне вчерашнее платье, а значит он поленился переодеть меня, хоть бы дал свою футболку.

Когда визг повторяется вновь, я бегу в комнату Мэйса, откуда он как раз доносится. С пинка открываю дверь и, тяжело дыша, смотрю на картину, развивающуюся перед глазами.

Анна, закутанная в одеяло, держится за него, как за спасательный круг, прижавшись спиной к стене, сидит на полу и зажимает уши ладонями. Мэйс, в свою очередь, смотрит на неё с кровати, как на сумасшедшую.

– Твой брат, – она указывает в сторону Мэйса. – Воспользовался моим состоянием и занялся со мной сексом!

Давлюсь слюнями, которые внезапно начали выделяться в сухом рту. Смотрю на брата, который равнодушно закатывает глаза.

– Ты сама полезла. Тебе повезло, что я вообще позволил слюнявить подушку и думать, что это я. В любом случае, никто тобой не пользовался: ты сама разделась и начала ловить глюки. И откуда я знал, что ты под наркотой? Ты всегда был двинутая, так что перемены в твоём состоянии я не заметил. Хотя бы по Мэди было видно, что она пьяная, – он грозно смотрит на меня: – Я же верно говорю: ты не пробовала дурь? Я убью тебя, если да.

Стыдливо опускаю глаза в пол. За эту долю секунды, пытаюсь вспомнить, когда она вообще присоединилась ко мне и той кучке растаманов.

– Мог бы посмотреть мои зрачки! – заверещала Анна.

Мэйс метнул в неё разъярённый взгляд.

– Может, ещё надо было взять у тебя анализы?

– Почему ты тогда голый?

– Идиотка, это моя кровать, я сплю в ней так, как захочу и в чём захочу. И на мне трусы. Думаешь, из-за тебя я должен лечь на коврик у двери?

Анна недоверчиво щурится, после чего резко поднимается и, пыхтя, вылетает из комнаты. Мэйс тоже не томит реакцией, указывая в сторону двери. Ещё несколько секунд медлю, желая придумать и сказать в своё оправдание хоть что-нибудь, но в голове пусто. Я не могу говорить, что съехала с катушек, увидев смеющегося Ди в обществе Анны. Это причиняет невыносимую боль, которую хочется потушить любым способом. Мэйс ничего о нас не знает, а если узнает, разочаруется во мне, потому что имеет подобный плачевный опыт. Я не могу говорить, что целовала другого, находясь в отношениях с его лучшим другом. Даже если он ненавидит Сиду, я не вынесу взгляда, с которым брат может посмотреть на меня.

Глава 5

Мэди

Подхожу к зданию университета только ко второй паре, держа в руках ледяную ладонь Анны. Солнцезащитные очки на нас смотрятся комично, учитывая пасмурную погоду, а балахоны из одежды Мэйса – это что-то с чем-то. Хоть Анна и предлагала сегодня пропустить, тем более пол университета, что вчера были вместе с нами в доме братства, скорее всего так и сделают. Но я так поступить не могу. Если ректор позвонит родителям, отец устроит мне двойную взбучку: за ночь, которую я провела вне дома, и за прогул. А наш ректор был именно таким типом, но по какой-то причине это относилось только к людям с фамилией Картер. Он буквально ненавидел нас. Поэтому чуть что, сразу жаловался отцу. Если бы я не знала о наличии у него жены и детей, то подумала, что он просто запал на моего папу.

– Не хочу видеть их лица. Готова поспорить, что они умрут со смеху, увидев нас. Я не помню вчерашний день, а значит я делала много ужасного, очень много. Мой мозг просто решил избавиться от этой информации. И от меня тоже, – выдохнула я с раздражением, держась за дверную ручку. Входить в аудиторию не хотелось. Тем более мы опоздали на пару минут, а значит профессор уже там и не упустит

возможности испортить всем настроение в незапланированный рабочий субботний день.

Анна накидывает капюшон толстовки Мэйсона и скрипучим голосом говорит:

– Пусть хоть обмочатся в припадке. Сейчас это мало меня волнует. Мое желание сдохнуть сильнее. Тем более там сидит половина таких же, как мы.

– Думаешь, кто-то вчера также накурился? – с иронией в голосе, спрашиваю я.

Анна отмахивается.

– Сто процентов.

– Тогда с Богом.

Я открыла дверь, и мы вместе протиснулись в аудиторию.

Монотонный голос профессора и шёпот задних рядов тут же смолк, как только мы закрыли за собой дверь. Переглянувшись с Анной, синхронно опускаем головы вниз, пряча веселый взгляд. Секунды тянутся дольше положенного, и каждая из них дёргает мои нервы. Слышу тихий стук каблучков, и быстро смотрю исподлобья. Мужчина примерно тридцатилетнего возраста, яркими желтоватыми глазами, скрытыми за модными очками, хищно смотрит на нас с Анной, медленно приближаясь. На первом курсе он преподавал у нас не так часто – в основном заменял. Но в этом, я уже знаю, что практически каждый день у нас стоит его лекция. Именно его предмет в этом году профилирующий.

– Анна Баттерфилд и мисс Картер, – низким, чуть хрипя-

щим голосом, говорит мистер Витман.

Признаться честно, он выглядит очень эффектно, тем более учитывая тот факт, что он единственный молодой профессор. Именно поэтому, когда он впервые заменял у нас, мы посчитали, что сможем тихо отсидеться и уйти, но мы ошибались. Витман буквально уничтожал нас каждый семинар своим вечным отстойным поведением и кучей требований. Но нас с Анной он не любил больше всех: в первый же день мы спутали его с новым студентом и пошутили над ним, встретившись в холле, что в университет в смокинге ходят только идиоты. Идиотками оказались мы.

– Извините за опоздание, профессор Витман, мы... – начинаю я, смущённо улыбнувшись и совсем чуть-чуть поглядывая на него. От этого взгляда становится не по себе.

– Я знаю, что вы, – перебивает он, как будто бы отрезает мне голову словами. – Снимите очки в помещении.

– Но, по правилам этикета, женщины...

– Это касается только головных уборов, Картер, если вы хотели блеснуть знаниями, то, для начала, обзаведитесь ими, – злость накрывает меня с головой.

Я попытаюсь дотянуться до руки Анны, чтобы сжать ее от нервов, но она одёргивает и снимает очки. Её красные глаза смотрят прямо на профессора, а рыжая бровь иронично изгибается.

– Теперь я могу сесть? – я почти визжу от гордости.

Витман хмурится и смотрит на меня. Я тут же снимаю

свои и попытаюсь смотреть тем же взглядом, что и Анна. Но как только вижу в его зрачках недобрый огонь, тут же теряюсь. Проблемы с ним не нужны.

– Садитесь, – рявкает он. Анна фыркает, и первая проходит в аудиторию. Когда она равняется с ним, он шипит: – Надень очки, Баттерфилд.

Но подруга игнорирует и идёт в конец рядов, и я тут же мчусь за ней.

Тара смотрит на нас, как на приведения: с огромными испуганными глазами и открытым ртом в немом крике.

– Вы выглядите, как ожившие мертвецы, – шепчет она, оглядывая нас. – А ещё я слышу чей-то урчащий живот.

Обычно меня заботил внешний вид: я стараюсь выглядеть как может лучше, скрывая разруху внутри себя. Люди видят только оболочки, и если она великолепна, то у тебя нет проблем, во всяком случае, так думают многие. Но сегодня у меня не было сил делать что-то с собой. Я буквально чувствую, как у меня скручиваются кости, забились мышцы ног, будто я оббежала всю планету, а в висках давит головная боль. Ещё меня жутко тошнит, и я молюсь не разложить вчерашний рацион на полу в экспрессионистской картине.

Мэйс убедил меня, что сегодня никому не будет до этого дела, ведь все так же, как и я вчера, провели день довольно хорошо. Он пообещал закрыть рты всем, кто хоть раз посмеет пустить смешок в мою сторону. И я верю ему, как и всегда. Брат всегда защищал меня: от родителей, от незнакомцев,

от несправедливостей жизни и от самой меня. И теперь его опека перешла на новый уровень, но я не виню его.

– Чувствую, как мой живот съедает сам себя, но не могу взять в рот ничего, – ворчит Анна.

Парень, что сидит впереди, поворачивается к нам.

– Ты можешь взять в рот мой член. Уверен, он не вызовет у тебя отвращения.

Анна суёт два пальца в рот и закатывает глаза.

– Молодые люди! – достаточно громко рявкает Витман. Уверена, он прекрасно слышал то, что тот парень сказал Анне.

Парень отворачивается, покраснев.

– Мэйс хорошо позаботился о вас? – продолжает допрос Тара.

– Конечно. Особенно хорошо он позаботился об Анне, так ведь? – легонько пихаю подругу в плечо.

Она со стоном падает лицом на стол и бубнит:

– Не напоминай.

Тара выразительно смотрит на меня.

– Что я не знаю?

– Давай, Анна, скажи ей, в чьей кровати ты проснулась и в каком виде.

– Мэдисон, иди на хрен. Это было помутнение рассудка, – бурчит она.

Голос Тары сходит на писк:

– Анна Баттерфилд, ты переспала с Мэйсом? Тем Мэй-

сом, что брат Мэди и которого ты так ненавидишь.

Анна косится на неё, все ещё находясь лицом в поверхности стола, и шипит:

– Спасибо.

Буквально вся аудитория смотрит на нас, и я мгновенно заливаюсь краской.

Витман раздраженно бьет ладонью по столу.

– Внимания на меня, а не на развивающуюся интеллектуальную дискуссию очень целомудренных особ.

Его взгляд обращается в параллельную нам сторону.

– Картер, вам смешно?

Мэйс жмёт плечами.

– А почему нет?

– Это вы мне объясните.

– Не понимаю вашего возмущения, профессор. Вам не нравится, когда люди смеются, или вам не нравлюсь я, потому что именно я стал предметом дискуссии? К счастью, это абсолютная ложь. Но это ведь не ваше собачье дело, так?

– Выйдите вон, Картер!

Брат с секунду сидит на месте, а затем поднимается и спускается по лестнице, ведущей через ряды, нарочито медленно.

Я чувствую металлический вкус крови и только сейчас обращаю внимание, что закусил губу.

– Что это с ним сегодня? – бормочет Анна.

Кого она имеет в виду?

Тара пожимает плечами.

– Понятия не имею. Но вчера он был злее, чем сегодня. Особенно, когда Ди вручил ему тебя в руки, – Тара видимо подумала, что Анна имеет ввиду Мэйса. Хотя я уверена, что та беспокоится за профессора. Я видела взгляды, которыми они награждают друг друга.

Я поперхнулась и с ужасом посмотрела на неё.

– Что? Ди вручил меня ему в руки? Что это значит?

– Ты не знала? – спрашивает подруга. – Ди забрал тебя у той кучки растаманов. Потом нашёл у кого-то номер Мэйса и сказал ему приезжать. Он даже на руках вынес тебя на улицу, к его машине и положил на заднее сиденье. У Анны тогда как раз начались глюки, и ей мерещилось, что Ди засовывает тебя в пасть монстру. Ты бы слышала ее крики. Мэйс еле как заткнул ее, запихав вместе с тобой в машину. Мэйс увёз вас к себе.

– Как стыдно, – мычит Анна. – Больше никакого алкоголя и травки. Никогда.

Подпрыгиваю на месте, швыряю вещи в сумку и бегу по лестнице, перепрыгивая ступени.

– Мэди!?! – недоуменно зовут девочки.

– Картер, куда вы? Разве я вас отпускал? – холодно обращается Витман.

Пошёл ты.

Я демонстративно надеваю очки и прохожу мимо, напоследок решив ответить:

– Вы выгнали одного Картера, тем самым, выгнали другого. До свидания, профессор.

Витман что-то говорит в спину, но я хлопаю дверью. Никто не смеет так говорить с ним, с нами.

Спина Мэйсона как раз скрывается за поворотом, поэтому не теряю времени и бегу за ним, с подпрыгивающим рюкзаком на спине, который Мэйс мне любезно одолжил, впрочем, как и толстовку. Слава богу, что я однажды оставила у него чёрные обтягивающие джинсы и кеды. Иначе я не знаю, в чем могла идти на лекции. Точно не во вчерашнем прикиде.

– Мэйс! – шиплю, когда он начинает ускоряться. Я точно знаю, что говнюк делает это специально.

Брат смеётся, останавливается и оборачивается, разведя руки. Он с самодовольным лицом изгибает бровь.

– Разве ты сейчас не должна обсуждать меня со своими подружками?

Пыхтя, наконец дохожу до него и фыркаю.

– Мы говорили не о тебе.

– Ну, конечно, – один уголок его губ поднимается вверх, создавая фирменную ухмылку. Есть два типа людей, реагирующие на неё: первые – те, кто хочет сразу стереть её с его лица, а вторые – те, что визжит и млеет. Я отношусь к первым.

– Даже не собираюсь тебе ничего доказывать. Подвезёшь меня домой?

– Даже не знаю. Смотря, что ты можешь мне предложить

взамен на это.

– Картер, – я зло сощуриваю глаза и скрещиваю руки под грудью. Он специально выводит меня из себя.

– Ты тоже Картер. И разве ты не хочешь остаться на остальные лекции?

– Нет. Я вообще жалею, что пришла. Лучше бы приехала домой, послушала папины нотации, но зато выпалась, – закусываю нижнюю губу и отвожу глаза: – А ещё я узнала, что...

– Что? – спрашивает Мэйс, когда я долго тяну.

Надеюсь, он ничего не подумает. Хотя его горящие любопытные глаза настораживают меня.

– Что это Ди позвонил тебе, чтобы ты забрал меня.

Мэйс безразлично пожимает плечами.

– Ну, да, и что?

– Это хороший поступок, – киваю я.

– И что это значит? – Мэйс смотрит на меня испытывающим взглядом. Возможно, не следовало начинать разговор об этом.

Ковыряю носком плиточный пол.

– Ты не мог бы отблагодарить его за меня?

– Мог бы. Хотя. Ты не можешь сделать это сама или я похож на почтового голубя?

Я могла бы, но боюсь, что он не заговорит со мной.

Снимаю очки и распахиваю глаза, надеюсь, что при этом свете они выглядят кристально голубыми, и долго смотрю на

брата. Он смотрит на меня точно также в ответ, но это не длится слишком долго.

Мэйс закатывает глаза и страдальчески вздыхает.

– Ладно, ты победила. Я передам ему. Тем более сам хотел, но не так, как это делаешь ты. Я мог бы предложить ему заниматься в нашем зале. Он вроде всё ещё занимается боксом.

– Да? Отлично, ты супер.

Подскакиваю к брату и стискиваю его огромное тело в объятиях. Обнимать Эйдена куда удобнее, чем этого громила. И чем мама его вообще кормит? Удобрениями или стимуляторами роста? Или же я просто стаптываюсь с каждым днём все больше и больше.

– Ты давишь на меня своими костями, секунда – и нахрен зарежешь. И кто в этом случае повезёт тебя домой?

– Так значит ты отвезёшь меня? – поднимаю на него глаза. – А как же услуга?

– Я понял, что давно не ел мамину стряпню. А ещё хочу послушать, как отец будет ворчать на тебя, узнав, что ты та ещё пьяница.

Возмущённо хлопаю его по руке.

– Это было всего раз. Ты теперь до конца жизни вспоминать будешь?

Пляшущие дьяволята в его глазах отвечают за него.

Мэйс просит меня подождать, пока сходит *отлить*, и я прислоняюсь спиной к мраморной ледяной стене, уткнув-

шись в телефон. Открываю соцсети и листаю ленту, доходя до рекомендаций. Брови взлетают вверх, когда я вижу там аккаунт Ди. Мой палец сам нажимает на него, и следующее, что вижу, это логин Анны, написанный жирным шрифтом. Она, черт возьми, даже подписалась на него. Интересно, когда успела?

Внезапно, гул студентов, которых, похоже, досрочно выпустили с лекции, наполняет холл университета. Убираю телефон в сумку и сверлю стену впереди, практически пыхтя от недовольства. Какое мне вообще до него дело? Тут море парней, кто мечтает хотя бы постоять со мной рядом, даже просто почувствовать мои духи. А эта заносчивая задница не достойна даже сломанного ногтя. Неожиданно впереди появляется свора, состоящая из парня, что лез к Анне на лекции, двух его друзей и их подружек, с которыми я бы даже не стала дышать одним воздухом в случае выбора.

Изгибаю вопросительно бровь и равнодушно спрашиваю у парня по центру, который стоит с лицом альфа-самца:

– Что?

Тупоголовые девицы тут же начинают хихикать.

– Ну что, Картер. Какого это стать за одну ночь главной шлюхой университета? Хотя, кто тебя знает, может, ты только притворялась стервой-недотрогой?

Сжимаю кулаки и зло смотрю на придурка.

– Шлюха из нас двоих только ты.

– Придержи язык, – шипит этот кусок мяса. – Не я отса-

сывал парням за травку, так кто из нас ещё шлюха?

– Ты идиот? Это с рождения или можно подцепить в воздухе?

Он цокает.

– Думаешь, мы не видели, как ты под кайфом танцевала на столе? А те, что дали тебе косяк, поведали нам о твоих навыках.

Прихожу в ужас от стыда и гнева. Неужели, я правда танцевала на столе? Что ещё я делала?

Остальные приближаются ближе, вслед за этим ублюдкой. Компания буквально окружает меня со всех сторон и начинает смеяться. И в другом случае я бы нашла, что сказать, но сейчас слишком стыдно и паршиво от того, что Ди тоже видел всё, что происходило на вечеринке. И почему мой извращённый мозг снова вспомнил его?

– Твой брат вообще знает, что сестра раздвигает ноги направо и налево? Знаешь, он ведёт себя, будто вы выше других, а на деле вы та ещё падаль, – парень сплёвывает мне под ноги, и я дёргаюсь.

Кажется, вокруг нас собрались ещё студенты, потому что смешки стали громче. И никто не собирается помочь мне. Анна и Тара скорее всего на обеде, который в другом крыле, Мэйс в туалете, и помощи ждать больше не от кого.

Делаю резкий вдох сквозь зубы и медленный выдох, закрыв глаза. В ушах звенит от ярости, и я пытаюсь прийти в себя, чтобы не упасть в грязь лицом. Я сильнее этого, – го-

ворю себе и открываю глаза, с вызовом смотря на всех этих людей. На моем лице нет ни унции прежнего смятения или страха. Теперь всем своим видом я показываю, что мне наплевать на все их слова: полуопущенные веки придают моему взгляду ленивого высокомерия, немного вздёрнутый подбородок, но ни для того, чтобы казаться выше – я итак выше всех них вместе взятых. Ни один человек, позволивший себе оскорбить девушку, назвать ее шлюхой, не стоит чего-либо.

Склоняю голову набок и тихо спрашиваю. Наплевать, что меня может быть не слышно из-за смешков и болтовни вокруг нас. Я не буду подстраиваться под них. Ни за что.

– А ты, похоже, чертовски жалок. Раз вымещаешь свою обиду на девушке. Если мой брат так сильно однажды задел твоё самолюбие и гордость, может, ты не будешь тратить силы и жертвовать остатками своего достоинства? Потому что я разнесу тебя.

Все замолкают. Я ликую, когда вижу в его глазах непонимание. Конечно, он думал, что если подойдёт ко мне со своей сворой, то легко сможет запугать. Жаль расстраивать, но это представление даже близко не стоит с тем, что я когда-то пережила. Сейчас я запросто могу сломать ему шею сталью своего характера.

На него начинают коситься, откровенно насмехаясь, из-за чего парень краснеет.

– Тебя уделала девчонка! – взвизгнул кто-то. Этот идиот смотрит на толпу, но его взгляд тупого щенка выдаёт состо-

яние.

– Тупая сука...

Дёрнув бровью, выставляю ладонь вперёд и толкаю его в грудь.

– Это все, что ты можешь? – театрально вздыхаю и строю гримасу жалости: – Бедненький, думал, что раз я девушка, то тебе будет легче. Никогда не стоит недооценивать людей и распускать сплетни. Этот урок тебе в подарок, надеюсь, твой хлюпенький мозг что-то поймёт.

– Ты такая же, как и твой брат, – выплевывает придурок, считая это оскорблением.

– Может, потому что мы родственники? Более того, близнецы. Ну, это так, на случай, если ты настолько тупой, что даже такую мелочь не можешь сообразить. Тебя не смущает, что у нас одна фамилия и возраст?

– Гордишься тем, что ты Картер? Вас тут знают, как жалких богатеньких детишек своих родителей, – то, с каким пренебрежением он говорит о моих родителях, заставляет меня почти кричать.

Приставляю к его груди указательный палец, с ярко красным длинным ногтем, и предупреждаю:

– Ещё раз ты скажешь что-либо про моих родителей...

Он мерзко усмехается.

– То, что?

Я не успеваю ему ответить.

Мой мир останавливается и начинает крутиться быстрее

в сто раз, когда из толпы выходит Ди, хватая парня передо мной за шею и припечатывает к стене. Студенты замолкают, отходя назад. Ди излучает неведомую силу, одновременно пугая и вызывая восхищение.

– Иди, куда шёл, парень, – говорит себе под нос мой обидчик, боязливо глядя на Ди. Он смотрит на него снизу-вверх, как смотрю на него я, но в его взгляде больше страха, чем когда-либо было в моих.

Ди игнорирует и продолжает сжимать его горло. До этой секунды я не видела его лицо, потому что он стоял ко мне спиной, нависая над парнем. Но, когда он обернулся, обжигающим взглядом исследовал толпу и нашёл меня, что-то странное промелькнуло в его глазах, обращённых ко мне, и лишь на мгновение в них исчезла жёсткость.

– Все в порядке? – низким голосом спрашивает Ди.

Я ошеломлённо моргаю.

– Да.

Я могла бы справиться с ним, но радость от того, как защищает Ди, заставляет меня взорваться. Иногда только парни могут *объяснить*, особенно в таких тяжёлых случаях. Как бы я не выступала против насилия, этот человек заслужил парочку хороших взбучек.

– Да кто ты на хрен вообще такой? – орет мой обидчик. – Защищаешь ее? Ты вообще знаешь, что она...

Ди лениво качает головой и выдыхает.

– Оставь своё большое мнение при себе и послушай ме-

ня, – он наклонился ниже, приближаясь к его уху, и все замерли, не издавая ни звука. Ди говорит угрожающим низким голосом: – Если я ещё раз увижу тебя рядом с ней, тебя даже опознать не смогут.

Парень краснеет от злости и попытается вырваться, когда сквозь толпу проходит Мэйс. Выглядит он далеко не милым братом, а машинкой для разрушений. Это очень плохо. Ему никогда не нужен повод.

Ди выпускает парня из своих тисков и отходит назад. Парень облегченно скатывается по стене, и брат со звериным оскалом ловит его, прижимая обратно. Передо мной тут же возникает толпа, которая окружает их. Теперь все внимание отдано не мне, чему я несказанно рада. Глазами ищу Ди, даже не слушая, что происходит внутри кольца из студентов, но вижу только удаляющуюся спину. Он выходит из здания университета. Я знаю, что должна остановить Мэйса, пока он не натворил глупостей, но ноги приросли к полу, а в голове далеко не мысли о том, как вытащить брата из очередной передраги.

Сердце подпрыгивает и умоляет мозг, чтобы я побежала за Ди, но тот отчаянно сопротивляется. Нельзя, – говорю себе. И тут же отмахиваюсь: «На всё нельзя, я отвечаю – можно». И бегу за ним, пробираясь через толпу зевак.

Вылетаю на улицу, тяжело дыша и кричу ему:

– Подожди! – мой голос звучит как детский визг, и на мгновение вообще хочется перестать говорить.

Ди оборачивается и с неохотой останавливается.

Мы стоим прямо по среди тротуара, недалеко от университета. Я едва достаю ему до ключиц, но задирать голову вверх не хочу, поэтому поднимаю глаза настолько, насколько позволительно. Пытаюсь сделать лицо максимально безразличным. Надеюсь, он не слышит мое бешеное сердце, которое так и рвётся прыгнуть на него и дать по морде за все эти ощущения, которые я испытываю даже когда просто смотрю на него. Я представила эту картинку и захохотала. Это всё от нервов.

Ди в недоумении смотрит на меня, нахмутив брови. Пытаюсь держать себя в руках, но это выходит плохо, и только внезапно злой взгляд Ди успокаивает. Более того, я чувствую, что меня словно окатили ведром холодной воды.

– Ты. Что-то. Хотела? – цедит он.

Щеки заливаются румянцем.

– Да. Я хотела сказать спасибо за то...

– Это все? – перебивает он.

Вот же хам. У меня складывается неприятное ощущение, что я переехала его собаку, съела последнее любимое пирожное или хлопнула бабушку. И дедушку, видимо, тоже.

– Ну... нет, я бы ещё, – начинаю мямлить, на ходу придумывая, что делать. Сдаваться нельзя – в этом я точно уверена. Набираю побольше воздуха в лёгкие и быстро говорю: – Спасибо за то, что спас меня от жутких вещей, которые я могла сделать под кайфом, и за то, что позвонил Мэйсу. Не

знаю, что бы со мной было в другом случае. А ещё спасибо за то, что вступился.

Ди усмехнулся, но быстро сделал вид, что ничего такого он не делал, и мне вообще послышалось.

– Каждый поступил бы так.

– Но никто, кроме тебя, этого не сделал, поэтому я хочу что-то сделать для тебя. В конце концов, не каждый день встречаешь своего спасителя. Тем более, такого... симпатичного, – я подмигиваю и надеюсь, что это не выглядит, как нервный тик. Даже не помню, когда последний раз с кем-то заигрывала.

Лицо Ди становится каменным, а взгляд, которым он смотрит мне в самую душу, темнеет. Он сжимает и разжимает пальцы.

Может, флирт был лишним? Слишком рано? Попробовать все равно стоило.

– Мэди, я сделал то, чему меня воспитали. Если бы был кто-то другой на твоём месте, я бы сделал точно также. Так что не делай из этого нечто особенное, – Ди говорил скучающим голосом и каждое его слово насмехается надо мной. Кокетливое настроение сменяется смущением и стыдом. – Мне пора.

Он тут же разворачивается и направляется в сторону, не позволив даже ответить на прощание. Я уже ничего не понимаю. Когда-то я встретила совершенно другого парня, сейчас он холодный и равнодушный, и непонятно, ко всем или

ТОЛЬКО ПО ОТНОШЕНИЮ МЕНЯ.

Глава 6

Ди

– Я должен тебе уже дважды.

С этих слов начинается диалог с Мэйсом, который равняется со мной почти на выходе из дверей университета.

– Дважды?

– За ректора и за сестру.

– Забей, – киваю, следуя дальше.

– Серьёзно, говори, что нужно, я помогу.

– Я ни в чём не нуждаюсь.

– Ладно, ты ещё занимаешься?

– Да, хотя не так часто.

Парень запускает руку в карман джинс и вытягивает оттуда карточку, которую следом протягивает мне. Она абсолютно черная, покрытая матовым слоем, на ней нет никаких рисунков и цифр. Только штрих код и какое-то глянцевое название в уголке. Не принимаю её, куда бы она не представляла доступ.

– Мне ничего не нужно, я сделал это не ради выгоды.

– А я не могу оставаться в долгу.

– Ты не должен мне.

Мэйс нагло сунет карту в карман моей толстовки, и будь передо мной кто-то другой, я легко мог двинуть, посчитав

это излишней самоуверенностью.

– Это клуб отца. Карта безлимит. На обороте есть адрес, можешь ходить, когда захочешь и на сколько захочешь, выбирай любой зал.

Он отклоняется в параллельную сторону, конечно, к парковке, и теперь уже должным чувствую себя я. Одновременно напрягаюсь и стараюсь расслабиться, потому что худшее – иметь его во врагах. Не сказать, что страшно, но и не особо хочется. Мы не виделись с того самого момента, как его друг помыл кровью ринг с моей помощью, а его сестра кричала, что ненавидит меня. Отличное прощание, но и мы не в тех отношениях, чтобы посылать друг другу записки с извинениями. Может быть, Мэди не понимала, что это бокс и победителем выходит только один, но Мэйс это прекрасно знает.

– Картер, – зову я, на что парень оборачивается, но не останавливается.

Решаюсь разбавить эти непонятные и нерешенные вопросы, которые повисли в воздухе с недавних пор.

– Если не можешь найти себе равного, то мог бы сказать сразу, – усмехаюсь я. – Я могу поднатаскать тебя.

В ответ получаю ответную усмешку, а следом он показывает средний палец.

– Сегодня там в шесть, – говорит он. – Посмотрим, кто кого поднатаскает.

Направляюсь в сторону братства, где наверняка меня ждёт очередное потрясение. Я не знаю спокойствия с тех самых

пор, как поселился там. Они находят развлечения во всём, даже если дать карандаш и бумагу, из этого создадут что-то, что станет буквально символом. Иногда у меня голова идёт кругом, но чаще всего я наблюдаю за ходом их мыслей. Когда Джей курит травку, он расслабляется и не желает двигаться, парни, с которыми делю дом, идут ему в разрез. У них словно иголки в заднице, заставляющие творить всякую несусветную хрень. Не могу утверждать, что желаю принимать дурь с ними, а вот оставаться наблюдательным могу. Кто знает, какими закидонами страдают их тараканы. Пока самым головоастым и разумным кажется Саймон, но учитывая то, что он тоже принимал участие в краже собаки, можно вдаваться в сомнения. Возможно, я ошибаюсь и так было даже лучше, особенно если брать в расчёт отсутствие интереса в поисках любимца со стороны той безмозглой девчонки. Черт с этой тупой ситуацией, ведь я тоже начинаю симпатизировать псу как минимум за то, что он дополнительный будильник с утра.

У меня никогда не было домашнего животного, и я никогда об этом не просил родителей, относясь к ним нейтрально. Но когда прихожу в братство и падаю на кровать, зная, что предстоит целая куча работ, Жерар первый, кто скрашивает мрачные мысли. Его нос щекочет тыльную сторону кисти, а следом по ней проходит шершавый язык. Нахожу его макушку и игривыми движениями взъерошиваю шерсть.

– Дерьмово сидеть в четырёх стенах, дружище, понимаю.

Пёс фыркает, словно не готов соглашаться. Возможно, когда ему покажут летающую тарелку или палку, он начнёт мыслить иначе.

Входная дверь на первом этаже хлопает, благодаря чему Жерар несётся вниз, чуть ли не снося лбом дверной косяк. Достая карточку, что недавно получил от Мэйса и кручу её, рассматривая с разных сторон. Глупо думать, что проявится волшебство, и я увижу на ней что-то новое. Она остаётся прежней, разве что читаю адрес на обороте и вбиваю его в поиск, чтобы проверить расстояние и время пути. Придётся брать такси, потому что, если хочу прийти вовремя, должен выходить уже сейчас. Пока изучать окрестности Нью-Йорка не такая уж и заманчивая перспектива. Благодаря жизни в братстве, у меня нет необходимости тратить баснословные деньги. Тут всегда есть, что перекусить, с кем закрутить, кому врезать и чем заняться.

Кажется, что я только закрыл глаза, как вновь их открываю благодаря слюням Жерара, которые вытираю об матрас. У этого пса единственный минус – куча слюней. Но, когда смотрю на экран телефона, мысленно благодарю за эту мелочь. Через десять минут, а в лучшем случае, уже сейчас, я должен запрыгнуть в такси с сумкой на плечах. Мне уже знаком этот город и дороги.

К зданию подъезжаю минута в минуту, но учитываю, что переодеться уже не успел. То есть, я всё же опоздал. Нет времени разглядывать строение, которое упирается в облака

и внутреннее наполнение, я быстро прихожу к заключению, что это обычный жилой комплекс, в котором расположен зал отца Мэйса.

Пулей пролетаю по холлу, не принимая во внимание интерес к себе. На пути руководствуюсь указателями. Девушки за административной стойкой, кажется, из идеальной матовой поверхности, провожают меня взглядом, когда прикладываю карту к пропускному пункту. Уже достигаю двери, чуть ли не вваливаясь внутрь, но не успеваю ухватиться за ручку, блокируя собственное падение с помощью боковых отсеков. Итого: карие глаза Мэйса смотрят на меня, как на двинутого.

– Опоздал, – усмехается он.

Смотрю на часы, которые разместились на левом запястье и вновь перевожу взгляд на парня напротив.

– Две минуты. Ты тоже не свистишь на ринге.

– Какое оправдание?

– Проспал, – жму плечами, не скрывая истинной причины.

– Пробки, – следом говорит Мэйс, что тоже похоже на правду.

Он указывает пальцем за спину.

– Правый последний шкаф твой.

– И где я должен тебя искать? Бегать по всем залам?

– Один большой в самом конце коридора. Душевые есть тут. Туалет тоже. Короче, увидишь все залы по пути, тут нет бронированных дверей.

– Даже не подождёшь, пока я сменю трусики? – улыбаюсь

я.

– Ты ходишь не в тех трусиках, чтобы я ждал, – усмехается в ответ Мэйс.

Пропускаю его наружу, сам вваливаясь внутрь раздевалки, где достигаю нужного и достаточно большого шкафа. Вообще-то, в него может влезть весь привезённый гардероб, даже для чемодана место останется. Это не жалкая кабинка с хлипкой дверцей, к которой лучше не прикасаться, она отвалится без помощи. На ней тот же чип, и спасибо эрудиции и дедукции, быстро понимаю, что там тоже нужен пропуск. Предусмотрительно, конечно, но стоит потерять карту, чтобы остаться голым. Отец Мэйса не слабо заморочился, возможно, эта идея принадлежит кому-то другому, но зал его, а, следовательно, можно придерживаться мнения, что все идеи вытянуты из его головы. В любом случае, комплекс, кажется потрясающим. Я не тренировался в худшем, но и его трудно сравнить с тем, где присутствую сейчас. Парни могли продать душу за этот зал, для меня же это не такая уж принципиальность, я могу устроить тренировку на улице.

Следую указаниям Мэйса, направляясь вдоль коридора, предварительно сменив одежду на спортивную. По пути наматываю бинты, повесив перчатки на плечо, и успеваю скользнуть взглядом по дверям, мимо которых следую. Все стеклянные, что не затрудняет увидеть происходящее за ними. Народу тьма, когда переступаю порог основного, где должен найти Мэйса, не меняю мнения. Я привык к тесноте,

но тут несмотря на количество людей, чувствую себя вполне свободно. Всё благодаря зонам, между которыми есть расстояние.

Мэйс разговаривает с кем-то рядом с рингом. Мужчина стоит ко мне спиной, из-за чего не вижу его лица, но они одного роста. Кажется, оба расслаблены. Подхожу ближе и слышу отрывки, похожие на шуточные препирания. Я не тороплюсь вмешиваться, но Мэйс замечает меня.

– Так долго шёл из-за дрожащих коленок? – усмехается парень.

– Пытался уговорить себя не сбегать, – не остаюсь в долгу, бросая в ответ.

Мужчина оборачивается, и две пары одинаковых глаз фокусируются на мне. Не составит труда, чтобы догадаться, кем они друг другу приходятся.

– Это Ди, – представляет меня Мэйс, когда мужчина протягивает ладонь, которую принимаю. – Мой отец.

– Джаред, – добавляет мужчина, бросив в сторону сына насмешливый взгляд. – У меня имя есть.

Мэйс шутливо пихает его в плечо.

– Я делаю паузы, чтобы не говорить что-то во время восторженного визга.

– Я похож на девочку? – улыбаюсь, пожимая ладонь мужчины, но обращаясь к Мэйсу, который оголяет фирменную самоуверенную ухмылку.

– Сейчас посмотрим.

– Ладно, я задержусь, – сообщает его отец, кинув в сторону Мэйса взгляд. – Надо доделать документы. Увидимся на ужине, если ты собираешься есть нормальную пищу, а не замороженную.

Мэйс согласно кивает, после чего мужчина направляется в сторону выхода.

– Не предложишь присоединиться? – интересуется он, стянув с ринга бинты и приступив наматывать их на ладони.

Занимаясь тем же, вопросительно выгибаю бровь.

– Присоединиться к чему?

– К ужину.

– Нет, для чего?

– Упускаешь возможность.

– Как-то тупо напрашиваться в чью-то семью, учитывая, что мы почти не знакомы и не виделись несколько лет.

Мэйс прищуривается, после чего кивает.

– Ладно, но всё равно, предлагаю присоединиться. Эйден укатил на сборы, будет только мама и Мэди, отец задержится, через час я могу выйти другим человеком.

– Разве?

– Женский трёп может свести с ума, а мама и Мэди в этом профессионалы. Плюс, на мне будут отыгрываться, используя как раба.

– Я бы не отказался поужинать с отцом и мамой, они прикольные, когда готовы биться на кухне.

– Биться? – улыбается Мэйс.

– Отец учит её испанской кухне, а она из Лондона, прилетела учиться в Принстон и улетела с ним в Испанию.

– Что плохого?

– Они оба не умеют уступать. Она всё равно делает по-своему, в итоге, он переделывает, как правильно. И так всю жизнь.

– Ты живой, значит, не отравился, – смеётся он.

– Да, спасибо, – киваю я. – Меня быстрее отравит Рамо, чем стряпня мамы.

– Рамо?

– Младший брат.

– Ладно, можно считать, что мне повезло. Эйден просто душка. Теперь ты тоже меня бросаешь.

– Я всё равно откажусь, не пытайся прибедняться.

Мэйс закатывает глаза и смеётся, приступая к разминке. Его примеру следую я.

– Кстати, если потеряю карту, что делать?

– Сходить в церковь и замолить грехи, – улыбается Мэйс. – Но можно не так далеко. Подойди к девчонкам за стойкой, они посмотрят. Но если ещё проще...

– Серьёзно? – перебиваю его речь, пытаюсь понять, шутка ли это.

– Ага. Установи программу на мобильник и добавь туда штрих код. Можешь открывать картой или подставлять экран.

– А если телефон в шкафу?

– Тогда ты в дерьме, но всё равно попробуй подойти к девчонкам, они откроют и возьмёшь.

– И так я могу сделать с любым шкафчиком? Хорошая идея.

– С любым, если при открытии докажешь, что он принадлежит тебе.

– Оставить в нём свои биоматериалы?

– Можно просто мобильник, в котором штрих код.

– Твой отец явно заморочился.

– Куда лучше, чем таскать ключи. Потеряешь, хрен найдёшь и хрен откроешь.

Не пытаюсь спорить, принимая его правоту. Это действительно удобней бесконечного количества ключей. У меня уже есть от дома братства, от комнаты, если будет от машины, от шкафчика, от чего-нибудь ещё, я сойду с ума, перебирая их у дверей.

Последнее время я не часто занимался, и это даёт о себе знать, а вот о Мэйсе такое сказать вряд ли можно. Уверен, он никогда не возьмёт паузу и, кажется, догадываюсь, по какой причине. Когда он избивает грушу, явно видит в ней живого человека, это говорит о том, что, таким образом, он выбрасывает эмоции. И как только его движения становятся чересчур буйными, хватаю парня за плечо и отталкиваю от груши.

– Это бокс, а не Мортал Комбат.

Парень обращает ко мне потемневшие глаза.

– Серьёзно, ты иногда пугаешь. Ты отработываешь техни-

ку или убиваешь кого-то?

Его усмешка становится кривой, в какой-то степени жуткой.

– Прекрати это, всё равно не поможет.

– С чего бы? – не скрывая скепсиса, интересуется он.

– Потому что каждый бывает на твоём месте и с дерьмовым настроением.

Мэйс поднимает руку и указывает на меня.

– На моем месте был не каждый, – сухо говорит он, из-за чего внутри что-то щёлкает и переворачивается.

– Что ты имеешь в виду?

– Не твоё дело.

– Подумай хотя бы о сестре.

– Именно о ней я думаю.

– Когда избиваешь грушу? – фыркаю я. – Она настолько тебя выводит? Злишься за тот вечер? Что тебя больше бесит? Что она курнула? Да это делаю все.

– У тебя спартанский дух? – бросает в ответ Мэйс.

– Будем считать да, есть вопросы или хочешь, чтобы поделился?

Мэйс щурится, пристально всматриваясь в мое лицо, словно ждёт залп хлопушки и крик: «Шутка». Легко выдерживаю его взгляд, отвечая приподнятой бровью.

– И?

– Не твоё дело, почему я зол.

– Отлично поболтали. Послушай, мне плевать, что у тебя

там и почему ты злишься на сестру, возможно, у тебя есть на это право, но работать надо над техникой и её улучшением, а не над самоубийством. А ты скорей убиваешь способности, чем становишься лучше. Мне нужен тот, кто способен про-тивостоять и кому я способен это делать в ответ.

– К чему ведёшь? Думаешь, я не могу двинуть и заставить тебя проспать несколько минут?

– Нет, не способен. Я предпочитаю честный бой, а не то дерьмо, что ты вытворяешь. Либо нормальные тренировки, либо убивайся дальше. Я на такое не подписываюсь.

Стягиваю перчатки с кулаков и отклоняюсь в сторону вы-хода.

– Кстати, предложение с ужином все-таки приму, мало ли что ты выкидываешь дома, – говорю я, не поворачивая голо-ву в сторону Мэйса.

– С чего ты взял, что оно ещё актуально? – салютует в спину парень.

Усмехаюсь, уже переступая порог.

– Сердце подсказывает.

Только после того, как принимаю душ и выхожу в разде-валку, обнаруживаю Мэйса. С полотенцем на плече, он скры-вается за поворотом и через минуту начинает шуметь вода. Недавно мы шутили, а сейчас, кажется, он готов предложить мне выйти на ринг. Не лучшее начало для меня. Для него тоже. Скорей всего, выйдет то, что мы начистим друг другу лица, отыгрывая собственную злость, я знаю, она есть также

во мне, но мне удаётся её подавить в отличие от Мэйса.

К счастью, не приходится долго ждать. Мэйс появляется в поле зрения, когда падаю на диванчик и вытягиваю ноги, опираясь на стену позади. Если глаза не обманывают, на его лице замешательство.

– Ты же не думал, что я реально свалю?

– Вообще-то, надеялся, – парирует парень, стягивая футболку с полки шкафчика.

– Тебя задевает сама правда или то, что я говорю её тебе в лицо?

– Наоборот, это интересно. Новый опыт.

Клянусь, вижу тень улыбки на его лице.

– Не занимаясь боксом, вряд ли бы ты стал что-то говорить.

– Уверен? – искренне интересуюсь в ответ. – Не думаю, что этот факт что-то меняет. Дело в отсутствии страха перед тобой. Я не обмочусь, если скажу что-то тебе или о тебе.

– Обо мне?

– Ты тот ещё говнюк, Картер, можно даже сказать, мудака. Кстати, я всё ещё тут, а не вылетаю на другую планету.

– Ещё назови меня скотиной и козлом, чтобы удивить. Можешь добавить урод, и чтобы я катился на хрен, тогда соберёшь стандартный список обо мне.

– Не забывай про придурка, – усмехаюсь я.

– Это уже скучно. Заезженная пластинка, я бы не отказался от чего-то нового.

– Как только узнаю тебя получше, обязательно добавлю.

– Кто сказал, что ты узнаешь меня получше?

– Сердце подсказывает.

– У тебя слишком болтливое сердце, говорит много лишнего.

– Всего лишь кристальную правду.

– И в чём заключается кристальная правда?

– В том, что ты сам не отлипнешь от меня.

Мэйс бросает на меня взгляд, наполненный одновременно весельем и сомнением.

– Я не привязываюсь к людям, все рано или поздно подкидывают своё дерьмо и сваливают чистенькими.

– Разве не в этом заключается дружба? В помощи друг другу?

– Нет, это взаимовыгода. Вы получаете что-то друг от друга, это не дружба, это партнёрство и сотрудничество на какое-то время.

– Нет никакой взаимовыгоды. Я помог тебе, потому что посчитал это правильным. Не ждал, чтобы ты будешь благодарить. И то, что я тут, тоже не входило в планы.

– Чего ты ждал?

Пожимаю плечами.

– Ничего. Я услышал спасибо, этого было достаточно, но ты решил, что можно отделаться чем-то материальным.

– И ты все-таки тут.

– Знаю в этом городе только одного человека, которого

способен поставить на свой уровень.

– На *свой уровень*? – смеётся Мэйс, пока не понимаю, весело ли ему, или его смех означает что-то иное.

– Я не навязываюсь к тебе в друзья.

– Но передумал на счёт ужина.

– Но не по причине того, что опять же нуждаюсь в ней. Хочу убедиться, что ты остался прежним, по крайней мере, не причиняешь боль своей семье. То, что я сегодня видел, похоже на непонятные бзики.

Улыбка касается его глаз, которые начинают блестеть. Это успокаивает, но не до конца. Мне тяжело признать, что я соглашаюсь на это, потому что хочу убедиться в безопасности Мэди. Может быть, она отвечала на нападки того мешка с дерьмом, но боль проскальзывала в её глазах, она всё же боялась.

– Я никогда не причиню боль кому-то из своей семьи, – твёрдо заявляет Мэйс. – Они всегда превыше всего.

– Надеюсь, так и есть.

– Иначе что?

– Иначе я заеду тебе прямо перед твоей семьёй за столом.

Мэйс молчит несколько секунд, после чего взрывается, раздражаясь хохотом.

– Да, хотелось бы на это посмотреть.

– Прогуляемся на закате или ты на машине? – улыбаюсь, наблюдая за тем, как он натягивает джинсы.

– Скину адрес, подъедешь сам.

– Я могу двинуть тебе дважды.

– Не сомневаюсь.

Поднимаюсь на ноги и отвешиваю парню подзатыльник, покидая стены раздевалки, где Мэйс продолжает смеяться. Пока непонятно, кто и кому заедет первым.

Глава 7

Ди

Миссис Картер каким-то непонятным взглядом смотрит то на меня, то на Мэди, как будто ей всё известно. Вообще-то, такое возможно, если она в близких отношениях с дочерью, о чём я не в курсе. Я нацеливаю все максимальные силы, наблюдая за их общением. Всё всегда понятно. Не сложно увидеть, какие отношения связывают двух людей.

Конечно, было очевидно. Стоило перешагнуть порог следом за Мэйсом, чтобы лицо Мэди вытянулось и побледнело. Она смотрела на меня, как на кровожадную убийцу, что пришёл в их дом и планирует расчленинку. Сейчас она вообще на меня не смотрит, всячески избегая взгляда. Она сверлит глазами стакан, то маму. В основном, Мэди только кивает, но почему-то чувство того, что до нашего приезда она тоже вела оживленный диалог, не покидает. Я тоже не сижу и не испепеляю её взглядом, это было бы максимально странно. Мимо ушей пролетают различные диалоги, которые слышу сквозь бульканье в ушах. Я только вижу, как Мэйс, миссис Картер открывают рот и что-то говорят, изредка это делает Мэди.

Ни с того, ни с сего, три пары глаз обращаются ко мне. Мне приходится откашляться, чтобы задать вопрос:

– Что?

– Какого черта ты забыл в Нью-Йорке, вот что, – усмехается Мэйс.

– Кхм... это было предложение студента по обмену, – жму плечами. – Всё равно на три месяца, потом возвращаюсь обратно.

– И ты свалил из Испании на три месяца отдохнуть?

– Я не планировал, но мама училась в Принстоне. Это была её идея. Что-то вроде «это такая огромная возможность». Пришлось соглашаться, она не слезет с живого.

– Если предложат остаться, ты не согласишься? – коротко, но мягко улыбается миссис Картер.

– Думаю, что нет. В Испании семья и друзья.

– Но ты только думаешь, – подначивает женщина. – Это не окончательное решение.

– Тут нет ничего, что могло бы держать.

Краем глаза улавливаю, что Мэди вздрагивает и пытаюсь понять, что с ней. Странно видеть её бледной и неживой. Это вижу не только я. Мэйс тоже хмурится, стоит ему только обратить внимание к сестре. Ни с того, ни с сего, миссис Картер переводит взгляд на Мэди. Я не понимаю, что не так с этой семьей.

– Как ты говоришь, звали того парня, который заезжал? – интересуется женщина, обращаясь к дочери.

Рядом со мной соком давится Мэйс. Я бы посмеялся, если бы сам не следил за Мэди, которая, кажется, зависла. Она

хлопает голубыми глазами, словно чувствует себя неловко.

– Парня? – настораживается Мэйс. – Какого парня?

– По мне, так симпатичного.

Он фыркает и морщится, продолжая следить за Мэди, но обращаясь к миссис Картер.

– Мам, ты же не серьёзно? *Симпатичного?*

Я чувствую, что тоже напрягаюсь, хотя, не понимаю, почему и для чего.

– Кто приезжал? – теперь Мэйс уже обращается к Мэди, не получая ответ от матери.

– Меня ждёт Тара, – говорит Мэди, поднимаясь из-за стола.

– К черту Тару! – рычит Мэйс. – Кто приезжал?

Кажется, замечаю вспышку гнева в глазах девушки.

– Не следи за мной!

– Кто приезжал? – продолжает рычать Мэйс, от чего мне тоже становится ни по себе. Нельзя нависать грозовой тучей над свободой и жизнью другого. Я не имею права вмешиваться в их семью, но язык чешется.

Когда он блокирует выход с помощью руки, я уже открываю рот, не сдерживая желание вступить, но Мэди делает это раньше меня.

– Вито! – раздраженно выкрикивает она. – Убери руку, пока я не отгрызла тебе кость!

Мэйс, кажется, расслабляется и предоставляет ей доступ покинуть кухню. Я не могу сказать о том же, потому что оста-

уюсь напряжен. Это имя мне ничего не даёт, разве что излишнее напряжение и поиск ответов в собственной голове.

Провожая Мэди взглядом и обращаю его к Мэйсу. Он снова прежний, от бывшей враждебной настроенности не осталось и следа.

– Не кажется, что это слишком? – словно вытягивая из моей головы, спрашивает миссис Картер. – Иногда ты переусердствуешь.

– Нет, – бесцеремонно отрезает Мэйс.

Довольно удивительно, что при наличии парня у сестры, он является тем, кто готов следить за ней. Хотя, ничего не могу говорить про Сиду, который, кажется, ещё хуже, учитывая последние воспоминания. На этот раз, я не собираюсь вмешиваться, ведь знаю, что она тоже не ангел с нимбом. Она целовала другого, будучи в отношениях. Плевать, что этим другим был я. Это не отменяет факта. И я чувствую себя грязным после произошедшего. Со временем, пришло понимание. Может быть, он мешок с дерьмом, но хотел бы я быть на его месте? Нет. Новость, что твоя девушка целовала другого и обещала ему встречу, могла довести меня до бешенства, как и любого. Конечно, не до той степени, где распускаю руки, но и ничего положительного. Не знаю, в чём дело и почему она на это пошла, сейчас придерживаюсь мнения, что это их проблемы. Мне там делать нечего, отныне я не собираюсь быть третьим колесом.

Парадная дверь открывается, спустя несколько секунд в

поле зрения появляется мистер Картер, который бросает обувь и чуть ли не бегом бежит к нам, упав на стул.

– Картер, ты невыносимый засранец, – с улыбкой ворчит миссис Картер.

– Я предупредил, что опоздаю, – говорит он, приступая за собственную тарелку, которая начинает наполняться.

– Я помню, но не обязательно бросать обувь по разным сторонам.

– Не будь занудой, Лиз, я просто торопился на ужин.

– А ещё ты просто засранец, – насмешливо добавляет она.

– Как дела? – улыбается мужчина, сканируя нас беглым взглядом. Его глаза останавливаются на сыне: – Что на этот раз?

– Пока ничего, – усмехается Мэйс, взяв с него пример и приступив к ужину.

– Пока, – устало выдыхает миссис Картер.

Улыбка на моем лице расплывается автоматически. Вообще-то, я готов с этим поспорить, подпортив его ложь правдой.

– Его почти отчислили в первый день.

Брови миссис Картер взлетают на лоб, мистер Картер издаёт смешок, продолжая жевать и делать вид, что это в порядке вещей. Глаза Мэйса обращаются ко мне. Он прищуривается и окидывает меня зловещим взглядом, в котором читается предупреждение. Но следом на его губах появляется усмешка, когда он смотрит на отца.

– Смотри-ка, я опять тебя сделал, – веселится парень. – Тебя хотели отчислить только на третий.

– Это ни о чём не говорит, мне пришлось стать хорошим на втором курсе.

– Да, оправдывай себя.

– Я хочу убить вас двоих, – вздохнув, парирует миссис Картер, переглядываясь между ними. – Могла бы сделать это, даже если бы дали одну пулю.

– Да ладно, мам, скучно жить правильно, – улыбается Мэйс.

– Ты можешь не жить *правильно*, но хотя бы где-то будь исполнительным. Даже представлять не хочу, сколько томов в кабинете ректора на тебя.

– Ни одно.

– Потому что твоя задница под прикрытием отца.

– Потому что я хороший студент.

– Где-нибудь в параллельной вселенной или другой жизни.

Ещё немного слушаю болтовню семьи Мэйса и под предлогом отойти в туалет, поднимаюсь из-за стола.

Мне почти удаётся дойти до нужной точки, но уже у двери останавливаюсь, так и не сумев заставить себя поступить правильно. Вполне вероятно, за это мне оторвут голову. Я поднимаюсь по ступенькам наверх, зная, куда ноги унесли Мэди. Очень плохая идея следовать за этой девчонкой снова, но я зачем-то это делаю, попутно награждая себя самы-

ми отборными матами за идиотизм. Не знаю, чем спасу себя в будущем, если кто-то из семьи Картеров решит поднять-ся, или нет. Понимаю, что ещё предстоит найти необходимую комнату, поэтому стараюсь придумать причину, зачем пошёл сюда. К сожалению, на ум ничего не приходит, кроме как сказать правду, конечно, если буду застукан.

Если это не мой день, то я не знаю, какой является моим, ведь дверь в одну комнату приоткрыта. Оттуда льётся тихая музыка и женский голос, который принадлежит Мэди. Минуту топчусь на месте, следом за чем выпрямляюсь и следую к двери, которую приоткрываю больше и смотрю на девушку из-под лба.

Мэди крутится у шкафа, по полкам которого спешно перебирает руками, вероятно, не находя нужной вещицы. К её уху прижат телефон, говорящий о том, что диалог ведётся не с самой собой. Она хихикает и соглашается с собеседником, и я уже хочу уйти, потому что она совершенно точно в порядке. Но поздно. Взгляд девушки находит меня в отражении зеркала, из-за чего она застывает с вытянутыми руками и зажатым между ухом и плечом телефоном. Глаза расширяются, она открывает рот и теперь похожа на рыбу, хватающую кислород.

Тупо, но я не нахожу ничего лучше, чем задать вопрос, на который уже получил ответ:

– Ты в порядке?

Крайне медленно, её бровь изгибается и поднимается. Я

не знаю, что более удивительно, то, что я на пороге её комнаты, то, что разговариваю с ней или то, что вообще пошёл за ней. За несколько неловких секунд молчания, обвожу глазами её комнату. Стены приятного сиреневого оттенка не режут глаза. Большая кровать, над изголовьем нависают несколько линий гирлянды, на которой прищепками прицеплены небольшие снимки. Я сразу узнаю несколько лиц. В основном, это снимки с полароида. Каждая карточка подписана датой. К удивлению, ни одного фото с Сидом, что довольно непонятно. Возможно, подобные снимки хранятся в другом месте, и это не мое дело. Я лишь надеюсь, что она больше не позволяет обращаться с собой так, как раньше. Идиоту лучше бы начать думать мозгом, потому что мне страшно представить ту кровавую бойню, которую устроит Мэйс. Он не держит себя в руках, в этом я уже убедился несколько раз. Этому парню вообще плевать кто перед ним, как будто напроць отсутствует чувство самосохранения. Мои действия, совершенные несколько лет назад, вовсе могут показаться детской дракой.

– В порядке ли я? – выпаливает Мэди интонацией, наполненной ужасом и замешательством.

Я не понимаю, что ещё вижу в её глазах, возможно, грусть. Она как будто тут и одновременно где-то ещё. Кажется, я и сам возвращаюсь на несколько лет назад. Прокручиваю некогда состоявшийся диалог и мысленно даю себе подзатыльник. То же самое я спрашивал у неё, когда нашёл в той

раздевалке, будь я проклят. Но какой ещё можно задать вопрос? Да любой, черт возьми. Можно вовсе обойтись без вопроса.

Приходится выкручиваться и спасать положение.

– Твой брат только что обошёлся грубо, хотел убедиться, что ты не обижаешься на него.

К лицу Мэди поднимается краска. Её щеки вспыхивают, но одновременно с этим, кажется, девушка успокаивается и расслабляется.

– Я уже привыкла.

– К грубости?

Зачем я это спрашиваю? Теперь в её глазах вспыхивает некий недобрый огонёк, как будто я пытаюсь задеть за живое. Это хреново.

– К излишней заботе брата, – отчеканивает Мэди. – У меня есть ещё и отец. Они действуют тандемом.

– А второй брат?

– У Эйдена нет цели быть вездесущим и делать упор на вмешательстве в мою жизнь.

– Тогда... – говорю я, едва заметно кивая. – Ладно.

Мэди будто ждёт чего-то ещё, но я не собираюсь ступить на ту же тропинку. Делаю шаг назад и следую в обратном направлении. Если бы мог, перешёл бы на бег, что совершенно глупо. Уже почти добираюсь до лестницы, как её голос заставляет остановиться и застыть, но не обернуться.

– Ди?

– Что? – не глядя и как можно равнодушной, спрашиваю я.

– Спасибо.

Кивнув, сворачиваю за угол и выдыхаю, быстро минуя ступеньки.

Черт возьми, я сбегаю от девушки и понимаю, что немного боюсь её или же её близости. Невозможно предугадать, чем будет руководствоваться мозг и тело, когда она снова окажется ближе. Я предпочитаю держать дистанцию, особенно с ней. И не только с ней. С любой, у кого имеются отношения. Теперь для того, чтобы кого-то поцеловать, я убеждаюсь в отсутствии парня у второй стороны. Может быть, это похоже на паранойю, но лучше так. Однажды мне уже удалось стать тем, с кем были готовы изменить и тем, кого обвели вокруг пальца. Те слова до сих пор где-то эхом звенят в голове, но я тут же её встряхиваю и выбрасываю прошлый мусор. Мэди, как и все те, кто находится в отношениях, для меня под запретом. Странно, что сегодня я не вижу её дружка, но это только к лучшему. Вряд ли сейчас мы раскинем руки в стороны и бросимся в объятия друг друга, принося извинения. Отныне, это больше не выведет меня так, как когда-то. Я больше не поступлю так, как когда-то. Да, приду на помощь, если застану ту же ситуацию, когда нашёл её в раздевалке, но не брошусь в омут с головой, сохранив самообладание. Одна ситуация в корне поменяла внутренний мир.

– Я должен идти, – сообщаю я, как только возвращаюсь к

столу, где по-прежнему остаётся три человека.

Взгляды всех обращаются ко мне.

– Уже? – интересуется миссис Картер.

– Если не вернусь, парни могут устроить в моей комнате невообразимо что. Они слишком способные и сообразительные в этом плане.

– Я бы не отказался от стриптиз-клуба по соседству, – усмехается Мэйс, благодаря чему завоёвывает недобрый блеск в глазах матери. Зато его отец начинает улыбаться, скрывая улыбку за стаканом у рта.

– Не смешно, Картер, это твой сын. Будешь улыбаться также, если этого захочет твоя дочь?

Мистер Картер сводит брови и фыркает.

– Выход найдёшь? – спрашивает Мэйс.

– Нет, хочу, чтобы ты меня поводил и чмокнул в щёчку на прощанье.

– Только если кулаком.

– Обойдусь.

Перевожу внимание на миссис Картер и немного улыбаюсь.

– Спасибо за ужин.

Получаю её взаимную улыбку.

– Не за что, заглядывай.

– Ага, заглядывай, – смеётся мистер Картер, смотря на меня, но явно имеет в виду другое. – Я тебе шею сверну, если заглянешь, когда дома будет только она.

Мэйс посмеивается рядом, а женщина закатывает глаза. На секунду даже удалось поджать задницу, потому что под «она», я подумал о Мэди, но, вероятно, никто не догадывается, где я был. Отклоняюсь от стола и спешу покинуть их дом. Возможно, это была самая никудышная идея, конечно, не хуже той, которая была несколько лет назад. Не понимаю, что мной движет и какой логикой пользуюсь, когда дело касается одной девушки.

Глава 8

Ди

Платье кровавого цвета ещё больше подчёркивает белизну её кожи. Я, не касаясь её, уже знал, насколько гладкой она была, и эти мысли не давали мне покоя. Согнув ноги в коленях, она сидит на них на зелёной траве, ткань платья веером лежит вокруг, волосы подхватывает осенний ветер, играясь с ними в воздухе и возвращает обратно на плечи. А если волосы попадают ей в лицо, то она, с хмуро насупившимися бровями и сморщенным от недовольства носиком, убирает их от лица ладошками. От ясного солнца глаза блестят, и даже отсюда я вижу свечение и изумляюсь.

Я замороженно наблюдал за ней, пока неожиданно на мое плечо не упала чья-то ладонь. Дёргаюсь, стряхнув руку, и оборачиваюсь, замахнувшись, сжав кулак и приготовившись врезать дебилу, который решил, что подходить со спины – это весело.

– Остынь, сталкер, – говорит Фэйт, смеясь и держа ладони вверх.

Чувствую сильное раздражение от того, что меня отвлекли, и резко спрашиваю:

– Тебе нечем заняться?

– У меня окно, а вот у тебя похоже есть веселенькое заня-

тие, – он прищуривается, улыбается и смотрит на меня так, словно знает гораздо больше меня самого.

– Не понимаю о чём ты говоришь.

– Быть умным – это вовремя притвориться тупым, Ди. Это неплохое качество человека, пусть он скоро и покинет наш мир.

Дёргаю плечом.

– В каком смысле?

– Если один из кусков дерьма, вылизывающих задницу Мэйса ради его благословения, донесёт, что ты следишь за его младшей сестренкой, то ты даже не успеешь попроситься с родственниками, прежде чем окажешься глубоко в земле.

– Мэди старше, – тихо исправляю я.

Фэйт услышал меня. Его глаза расширяются, когда он начинает беззвучно смеяться.

– Всё настолько плохо? Я опоздал с предупреждениями, и наш разговор, возможно, последний в твоей жизни?

Мне хочется врезать ему за тупые шутки, но понимаю, что он прав. Я не должен смотреть на неё, не должен говорить, не должен даже думать, тем более то, что думаю я.

С хриплым стоном мученика, стучу себя кулаком по лбу.

– Кто-то ещё видел? – спрашиваю, устремив взгляд в стену позади него.

– Кроме меня никого. Я решил остановить это прежде, чем будет поздно. Не пойми меня неправильно: я за любовь

и все дела. Но Мэди не твой уровень, Ди. Ты и сам это понимаешь.

Резко впиваюсь в него глазами.

– И без тебя знаю. Спасибо, что напомнил.

Фэйт пожимает плечами, будто не видит причин, почему я злюсь на него.

– Просто забудь это дерьмо, дружище, – когда я молчу, долгое время продолжая свирепо смотреть на него, он вдруг предлагает: – Сегодня вечером я и Мэйс встречаемся в местной забегаловке, чтобы перетереть. Со мной ещё будет моя старая знакомая, если ты понимаешь, о чем я. Ты мог бы пойти с нами, познакомиться с ней. Чувак, у неё реально нет гребанного рвотного рефлекса.

В голове я уже представляю, как впечатываю его в стену за то, что он предложил мне её, думая, что меня интересует это. Что за дерьмо? Да, я трахался с девчонками, которых знаю меньше десяти минут. Но они все не отличались от меня, никто из них не искал прочные связи и долгие отношения – это был секс на одну ночь и не более. Я никогда не был игроком.

– Иди нахер, Фэйт, пока меня не вырвало. Мне не нужны твои шлюхи, – возможно, я говорю агрессивнее, чем изначально хотел, потому что Фэйт отступает на пару шагов назад и напрягается.

– Моё дело предложить. Встретимся в братстве, – он салютует мне на прощание, но я уже забыл о его существова-

нии.

Мой взгляд *случайно* возвращается к Мэди, сидящей на лужайке перед университетом, и я начинаю чувствовать такую ярость, что еле контролирую себя, чтобы не подойти, оторвать этого ублюдка от неё и скинуть его под рельсы поезда. С великим трудом сглатываю огромный колючий ком в горле, медленно сжимая и разжимая пальцы на руках. Когда этот идиот тянет свою клешню к ней, я рычу от ярости, но, конечно, они меня не слышат – я стою почти у самого входа, а они сидят в конце своеобразного парка. Он убирает ее волосы и продолжает их держать, видимо, чтобы они не лезли ей в лицо, пока она, склонившись над тетрадью, что-то пишет и смеётся. До меня не доходят отголоски её смеха, и первобытная злость, основанная по непонятной причине, захлёстывает меня. *Она смеётся для него. Она никогда не смеялась для меня.*

По правде говоря, смеялась. Это было странное стечение обстоятельств, и мне больше показалось, что она смеётся скорее надо мной, чем для меня. Я почувствовал унижение и гнев, поэтому не нашёл ничего лучше, чем повести себя, как реальный мудака.

Этот придурок подвигается к ней ближе и наклоняется к тетради, Мэди качается в сторону и случайно, или нет – ему же лучше, чтобы это было случайно – соприкасается своей щекой с его. Он обвивает ее плечо и прижимает к себе, не давая убрать ее лицо от его. Я не должен беситься из-за это-

го, в конце концов у неё есть парень и это больше его обязанность, нежели моя, но всего за пару мгновений, оказываюсь рядом с ними.

Мэди первая поднимает глаза, когда возникаю рядом с ними. Но всё моё внимание приковано к парню рядом с ней, который, к его несчастью, даже не заметил меня, потому что нашел что-то очень интересное в вырезе её платья. Он смотрит на ложбинку её груди, как какой-то гребанный извращенец, и мне хочется убить его прямо здесь и сейчас.

– Ди? – её голос отчего-то дрожит. Может, она возбуждена от прикосновений этого... существа рядом с ней? По крайней мере, она тут же отталкивает его от себя, не разрывая взглядов со мной, и вздрагивает.

– Накинь, – стараюсь говорить, как можно спокойнее, чтобы не испугать ее, но выходит ужасно. Снимаю свою ветровку и кидаю в неё.

Мэди с шоком ловит одежду и непонимающе смотрит на меня. Наконец-то её придурок тоже делает это.

– Ты кто? – спрашивает он, хмурясь. Черт, он выглядит как хренов Кен. Убейте меня прямо сейчас или меня стошнит от его смазливового личика. Что Мэди в нем нашла? Даже Сид более... ладно, все её парни дерьмо.

А ты будто лучше? – насмехается внутренний голос.

Отсоси. Дважды.

– Я сказал надень эту чёртову кофту, Мэди.

Она хлопает глазами и начинает быстро натягивать ее на

себя. Только когда я слышу звук молнии, достигаю облегчения, но полностью расслаблюсь только тогда, когда уведу её отсюда.

– Это твой друг, Мэди? – он растягивает гласные в ее имени и это звучит настолько ужасно, что начинает тошнить.

– Нет... э-э, он друг Мэйса.

В глазах парня вижу проблеск страха, когда он на секунду смотрит в мою сторону и тут же отворачивается.

– И что ему нужно?

– *Ему* нужно, чтобы Мэди подняла свою попку и пошла со мной, – холодно отвечаю я, скрестив руки под грудью. – Сейчас.

Мэди хмурится, обернувшись на меня.

– Что? Зачем?

– Она никуда с тобой не пойдёт!

– Это потому что ты так сказал? – насмехаюсь над её ручным Кеном.

Он краснеет от злости и подскакивает, оказываясь возле меня. Ростом он чуть выше Мэди. Он что, вылез из страны Карликов? Нет, скорее на него сели огромной жирной задницей, приплюснув. Вот почему он такой debil.

– Послушай сюда, Мэди останется со... – начинает он свою песню, но тут же замолкает, когда сама Мэди встаёт между нами и отпихивает его от меня.

Усмехаюсь, глядя на него, пока он пыхтит от недовольства.

– Эй, вы, два придурка, что с вами? – она смотрит на меня, указав в грудь пальцем. – Я с тобой никуда не пойду. И бить моего друга тоже не позволю.

Закатываю глаза, театрально вздохнув.

– Я не бью женщин. Никогда. Так что не беспокойся за задницу своей приятельницы. – не даю Кену даже успеть что-то пискнуть, рывкнув: – И ты пойдёшь со мной.

Мэди дёргает бровью. Как бы она не была сейчас рассержена, но я вижу в ее глазах огонь. Это вызов. Она, мать твою, бросает мне вызов.

– А если нет?

– В таком случае, мне не остаётся ничего другого, – быстро обвиваю её талию рукой и перекидываю маленькое тело через плечо.

Мэди начинает визжать и бить меня ладонью по спине.

– Опустите меня!

– Да, отпусти ее! – вторит ей debil.

Показываю ему средний палец.

– Иди погуляй, белобрысый. Это твой последний шанс уйти отсюда на твоих двух.

– Это не смешно! – верещит Мэди, и я шлепаю ее по упругой попе. Она тут же начинает истошно верещать и дергаться, на что я довольно улыбаюсь. Странно, но мне нравится, когда она бесится. Но только, если причиной стал я. Если кто-то другой поставит ее в затруднительное положение, то это будет последним, что он сделает в своей жизни. Я понял

это только сейчас, и нечто странное разлилось в груди при осознании этого.

– Никто не смеётся.

Кен сжимает свои нежные кулачки дрочера и уходит.

– Похоже, твоя приятельница наделала в штаны, – с чувством собственного превосходства говорю я, следуя к парковке.

Хорошо, что я одолжил машину Саймона на сегодня, иначе пришлось бы идти с этой фурией пешком.

– Ты оставил там мою тетрадь, а в ней были важные лекции.

– Я дам тебе свою.

– Мне нужна моя!

– А мне нужна... – замолкаю. – ...тишина. Просто перестань орать, и позволь увезти тебя отсюда.

Она секунду молчит, прежде чем проворчать.

– Ты отвратительный. Ещё у меня начинает болеть голова. Так что, будь добр, поставь меня на землю.

– Нет, – веселюсь я.

Боже, мои губы сейчас треснут от широкой улыбки.

– Тогда я сейчас ущипну тебя за задницу! – угрожает она.

Я смеюсь.

– Я тоже могу ущипнуть тебя за задницу. Спорю, мое удовольствие от этого не сравнится с твоим.

– Только попробуй, и я...

– Что ты? Закричишь? Давай. Мы как раз почти подходим

к парковке, и тут много людей. Пусть все знают, что ты чокнутая.

– К парковке? – визжит Мэди с новой силой. – Я никуда не поеду.

– Жаль, что у тебя нет выбора.

Она глубоко вздыхает и громко кричит во все горло:

– Помогите. Похищают.

Несколько девушек и парней оборачиваются на нас, пока я иду вдоль парковки. Все они улыбаются, считая, что Мэди шутит.

– Ну, как?

Она шумно вздыхает и стонет:

– Люди ужасны. А если бы меня по-настоящему похищали?

– Такого не случится.

– Откуда такая железная уверенность? – спрашивает Мэди тихим голосом.

Я лишь на секунду задумываюсь, как бы помягче ответит ей и при это не спугнуть. Не могу же я сказать, что собираюсь следить за каждым, мать его, ее шагом, и если хоть один самоубийца подойдет к ней близко с плохими намерениями, у него из задницы будет торчать столб. *Да, этого сказать я ей точно не могу.*

– Я родился с уверенностью. Поблагодаришь мать природу за это позже, а сейчас хватит трепаться, иначе голова заболит уже у меня, – ставлю ее на асфальт и хочу нырнуть

рукой в кофту, за ключами, но тут же вспоминаю, что отдал ее Мэди.

Кстати о ней. Милое создание смотрит на меня, надувшись.

Вытягиваю ладонь вперёд и требовательно говорю:

– Дай мне ключи из кармана.

Я знаю, насколько сейчас это ужасное положение. Мэди спокойно может взять эти гребаные ключи и выкинуть их куда подальше, и пока буду их искать, она успеет пересечь океан. Поэтому я пребываю в некотором шоке, когда она почти сразу же делает то, что прошу, и тянет мне ключи. Хватаю их, пока она не передумала, и открываю тачку.

Когда сажусь первым и завожу машину, вдруг замечаю, что она ещё не села на соседнее сиденье. В эту же секунду сзади открывается дверь, и Мэди садится прямо позади меня на заднее сиденье.

Вопросительно смотрю на неё, обернувшись, на что она закидывает ногу на ногу и вызывающе смотрит на меня.

– Сидеть рядом не безопасно.

– Если мы попадём в аварию, то любая точка в машине не безопасная, – сухо отвечаю ей, стараясь не выдать разочарование.

Мэди закатывает глаза.

– А я и не об этом.

– А о чём тогда? – мне и вправду становится интересен дальнейших ход ее мыслей.

Она рассматривает свои ногти, скрывая ухмылку. Это их фамильное или как?

– Если я почувствую страх за свою жизнь, то вытащу шнурок из твоей кофты и начну душить тебя им.

– Серьезно?

Она поднимает на меня глаза. Ее бровь изгибается. Черт, она слишком сексуальная.

– А похоже?

– Похоже на бред. Моя шея сильнее, чем ты думаешь. И у тебя очень хилые ручки. Не стоит тебе говорить, что теперь я предупреждён, а значит вооружён? Так что у тебя нет шансов, – я выдаю полуулыбку, в ожидании увидеть на ее лице разочарование от поражения, но встречаюсь только с хитрым личиком этой удивительной девушки.

Мэди ухмыляется.

– А кто сказал, что это мой единственный план? Я не глупая, Ди.

– Я не это имел в виду.

– Но подумал, – в ее голосе не слышалось упрёка. – Перед тем, как скинуть тебя с моста в реку, я напомню тебе об этом.

Я таращусь на неё, а она подмигивает и снимает кофту.

Лямка ее платья случайно падает с плеча и, при виде обнаженной ключицы и части кружевного чёрного лифчика, я резко отворачиваюсь и быстро выезжаю с парковки.

Первые две минуты мы молчим, и я искренне радуюсь этому, осознавая, насколько не готов сейчас говорить вооб-

ще. В ближайшее время мне срочно нужно с кем-то потрахаться, иначе я так и буду смотреть на неё безумными глазами, умоляющими сесть мне на лицо.

– Куда ты меня везёшь? – интересуется Мэди. Пару мгновений назад она растянулась на заднем сиденье, закинув руки за голову.

Бросив косой взгляд на зеркало, отвечаю ей:

– Домой. Или тебе нужно куда-то в другое место?

– И ты только ради этого решил вырвать меня из моей обычной рутины? – слышу, как она тихо фыркает.

– Ну да, и? Не вижу, чтобы ты сильно грустила по этому поводу.

– Глубоко в душе я плачу. Но точно не из-за этого.

– Тогда не понимаю сути этого разговора.

– Предлагаешь и дальше молчать? Это скучно, – вдруг мне в бедро утыкается ее палец на ноге. Я быстро оборачиваюсь на неё, и Мэди показывает мне язык, по-детски хихикнув.

Тяжело вздыхаю и снова смотрю вперёд, на дорогу.

– Хорошо, о чём ты хочешь поговорить?

– Например, о том, что ты зануда. Вместо того, чтобы отвезти меня на свидание, ты везёшь меня домой.

Сжимаю пальцами руль и вжимаю педаль газа, чтобы подрезать медленную тачку с идиотом за рулем.

– Никаких свиданий, Картер.

– Это очень разочаровывает, – она тихо вздыхает, уставившись в потолок машины.

С трудом сглатываю.

– А ты хотела бы?

Ее глаза тут же находят мои в зеркале.

– Хотела бы, что?

– Пойти на свидание. Со мной.

Я тут же отворачиваюсь, чтобы не видеть ее лица во время ответа.

– Может быть. Посмотрим на твоё поведение.

Закатываю глаза и сжимаю предательские губы, которые расползаются в улыбке.

– Ди? Можно спросить у тебя? – мне должно быть показалось, хотя нет: я отчётливо услышал в ее голосе смущение, будто ей было неловко спрашивать то, что так хотелось узнать.

– Спрашивай.

Мэди издаёт неопределённый звук, схожий с тем, что издают люди, в которых пырнули ножом.

– Почему ты решил говорить со мной... и вообще почему забрал меня сегодня? Ещё тогда, когда ты зашёл ко мне после побега в комнату, я удивилась. – Не одна ты удивилась, Мэди. Я был в охренеть каком шоке от себя.

Я так и знал, что она спросит нечто подобное.

– Решил говорить? Я вроде изначально говорил с тобой.

Она села прямо. Я затылком чувствовал ее прямой взгляд.

– Нет. Ты игнорировал меня и моё существование. Я знаю, что плохо поступила тогда, разве нельзя оставить прошлое

в прошлом?

Почему нельзя было обойтись без этого разговора? Или хотя бы оставить его на поздний срок. Перед смертью, к примеру. Этот разговор больше подходил для последних вздохов и хрипов, когда ты вот-вот отбросишь коньки, а не для такой обстановки, когда чувствуется сексуальное напряжение.

– Можно. Именно так я и сделал. Разве не поэтому забрал тебя сегодня? Я оказал тебе услугу, Мэди, потому что я приятель твоего брата, и уважаю его и его семью. По этой причине, я не позволил карликовому Кену смотреть на тебя пошлыми глазёнками и сейчас отвожу домой. Прошлое в прошлом, для меня уж точно.

– Карликовому Кену? Его зовут Энтони.

– Да хоть как.

Мэди стукнула меня по плечу.

– Тогда почему ты изначально вёл себя, как идиот? – и снова вопрос по этой же теме.

Устало смотрю вперёд и лениво выруливаю на другую улицу.

– Например?

– Ой, да все твоё поведение – один сплошной пример.

Взять одни взгляды.

– А что с ними? – незаинтересованно спрашиваю ее.

– Они ужасны. Ты заставлял меня почувствовать себя куском дерьма. Разве так поступают настоящие мужчины, оста-

вившие прошлое в прошлом?

Видит Всевышний, не я начал это.

– Я мог бы вообще не замечать тебя после того выкрутаса пару лет назад.

Мэди словно наэлектризовали. Девушка стала похожа на дикую кошку, готовившуюся к прыжку, чтобы перегрызть тебе глотку.

– И что мне теперь, спасибо тебе сказать? Ну спасибо, благородный Диего, что соизволил обратить на меня своё внимание.

– Ага.

Она взвыла.

– Так и знала, что не нужно было заводить этот разговор.

– Если знала, то зачем начала?

– Да потому что между нами напряжение, постоянное. Ты же чувствуешь это? Недосказанность и прошлые обиды не приводят ни к чему хорошему. Тем более, ты общаешься с моим братом, а значит, мы будем пересекаться довольно часто. Мы не можем оставить всё так, как есть и делать вид, будто враги друг другу.

– Будто враги? – фыркаю я.

Кто меня тянул за язык?

Мэди шумно втянула воздух.

– А мы враги?

Возможно, мы даже хуже, чем просто враги. Как бы я не смел себе отказывать в чувствах, но слишком очевидно, что

я все ещё влюблён в неё, что старая рана все ещё истекает кровью. А она по-прежнему встречается со своим гнилым Сидом, и, мать вашу, лезет ко мне вся из себя прекрасная. Если бы она оставила меня в покое, то, возможно, я бы двинулся дальше, но ведь она сама делает первые шаги? Снова. Как тогда. И кто знает, что прошлое не повторится? Сейчас она поцелует меня, я отвечу ей со всей возможной теплотой, а затем она покажет средний палец и через пару минут начнёт сосаться с Сидом. Да и какого хрена она, будучи в отношениях, лезет ко мне, зная, какие у меня к ней чувства?

– Мы никто друг другу, – равнодушно заявляю я, внутренне гордясь собой и ненавидя одновременно.

– Никто? – подавлено спрашивает Мэди. Это ещё сильнее раздражает меня.

– А ты как думала? Думала, что снова сможешь поиграть со мной? Это время прошло.

– Играть?! Я не играла с тобой, Ди. Что за бред вообще!

Я старательно избегал ее взгляда в зеркале. До ее дома слишком долго ехать. Но главное вытерпеть оставшееся время. А потом я всё-таки приму предложение Саймона и встречу с той девчонкой, чтобы снять это вязкое напряжение.

– Не игнорируй меня! – ещё громче восклицает Мэди, толкнув спинку моего сиденья.

Я зарычал.

– Успокойся, мать твою.

– А то что? Выкинешь меня из машины? Ведь так посту-

пают со шлюхами, которые играют парнями, а потом бросают. Ведь так я поступила с тобой, верно? Конечно, какая же я омерзительная, так ты думаешь?

Драмы. Слишком много драмы. И если бы я не был влюблён в неё, то определённо точно выкинул бы из машины, потому что я ненавижу гребанную драму.

– Снова молчишь? Почему ты постоянно молчишь? Это невыносимо. Я не могу говорить сама с собой.

– А если я не хочу говорить с тобой? Не хочу, доходит до тебя или нет? – мой голос переходит на повышенный тон. Если быть точным, на крик. *Держи себя в руках, придурок.*

Мэди ахает.

– Да пошёл ты. Просто. Пошёл ты. На хрен, – отрывисто говорит Мэди и начинает дергать ручку дверцы.

– Ты совсем ума лишилась? – ору на неё. За последние несколько лет я никогда не испытывал столько эмоций. И все в один день. И все из-за одной и той же девушки. Она чертов разрушительный катализатор.

Мэди продолжает дергать ручку, и я сворачиваю к обочине. Не сказав ей ни слова, отстёгиваю ремень и выхожу из машины. Она вылезает следом, и я вижу в ее глазах, насколько она взбешена и зла. Мэди замахивается кулаком в мою сторону, но я перехватываю запястье, как и следующее. Прижав её к себе, держу руки и свирепо смотрю сверху-вниз, прямо ей в глаза. Буря в ней не утихает и на миг.

– Отпусти меня. Сейчас же, – обманчиво тихим голосом,

требует она.

– Ты сумасшедшая, скажи мне? Ты собиралась выпрыгнуть из машины, пока та едет, – я даже не обращаю внимание на её попытки вырваться. Пока она не успокоится, я не отпущу.

Ты не отпустишь ее никогда.

Мэди закатывает глаза.

– Я знала, что ты остановишь машину.

– Двинутая.

– А ты придурок! – бросает она, отворачиваясь.

Держу ее за подбородок и проворачиваю лицом к себе.

– Смотри на меня сейчас и слушай, что я скажу. Кивни, если до тебя дошло.

Мэди сладко улыбается и делает то, что я, признаться честно, не ожидал от неё.

Резкая боль, словно меня ударило молнией, расходится по всему телу. Я скрючиваюсь, не дыша, потому что каждый вдох доставляет ещё больше боли. Эта девушка ударила меня в пах, и когда я в шоке смотрю на неё, то вижу, как она шевелит бровями и показывает мне средний палец.

– Кивни, если дошло, – любезно говорит Мэди.

Свирепо рычу и выпрямляюсь, наплевав на боль.

Ее глаза расширяются.

– Надо было сильнее бить... – шепчет она.

Я хмыкаю.

– Нет, ты ударила довольно хорошо, но годами раньше

ударилась гораздо сильнее, – мой голос всё ещё хриплый, наполненный болью.

Мэди выглядит измученной.

– Я знаю, слышишь? Знаю, что поступила плохо. Я просто хотела преподать ему урок. Кто знал, что всё так сложится? Я же не знала, что ты... – она смущённо роняет взгляд в ноги.

– Что я был влюблён в тебя с детства? С того самого момента, как увидел впервые? Этого ты не знала? Кому ты пытаешься врать, Картер. Ты обо всём знала и именно поэтому выбрала меня для своей показательной игры, выбрала меня, потому что я был легкой мишенью. Сид, конечно, тот ещё кусок дерьма, но ты не лучше. Уверен, ты не первый раз пыталась заставить его ревновать тебя и выводить на чувства. Не строй из себя несчастную, бедную Мэди, с которой я так плохо поступаю. Да я вообще единственный в этой ситуации, кто ни в чём не виноват, но знаешь, что неприятно? Что страдал больше всех я.

Ее блестящие голубые глаза поднимаются к моему лицу, рот открывается в немой букве от шока. Я тоже не ожидал от себя признаний, но эмоции зашкаливали.

– Ди... – хнычет она и обнимает себя руками. – Зачем ты тогда спросил, пойду ли я с тобой на свидание, если бы ты предложил?

– Я хотел проверить, изменилась ты или нет. Но не переживай, я получил довольно красноречивый ответ.

Она делает неловкий шаг в мою сторону, с умоляющим

взглядом. И пусть моё сердце приказывает мне обнять ее и заткнуться, но меня уже не остановить.

– Мне омерзительно даже смотреть на тебя теперь, – я лгал. Беззастенчиво лгал, а она верила. Ее тело дрожит от этих едких слов. И я добиваю ее и себя: – Исчезни из моей жизни, слышишь? Не появляйся в ней больше никогда.

Я знаю, что больше не смогу смотреть на неё, переполненный ненавистью к себе, поэтому быстро сажусь в машину и жду, когда она сядет, чтобы всё-таки увезти ее домой. Я не брошу её здесь, как бы не был зол на себя или на неё.

Но она не садится.

Мэди шагает вдоль дороги, и я вновь покидаю водительское кресло, следуя за ней по пятам, пока она не звонит кому-то и за ней не приезжает маленькая машина. Я останавливаюсь достаточно далеко и наблюдаю за тем, как Мэди буквально падает в салон. Только тогда позволяю себе развернуться и идти обратно к машине, с мыслями в голове, которые подобны пчелиному рою. И весь рой изнывает от ненависти ко мне, жалит сердце и душу. Но я заслужил все это, заслужил даже большей боли.

Глава 9

Мэди

– Походу, он запал на тебя, – воодушевленно лопочет под ухом Тара.

Хмурюсь, окинув взглядом студентов, которые занимают кресла аудитории.

– О ком ты?

– О рыцаре, который вытащил тебя из лап языкастого дебила.

Мои брови начинают противиться мне, как и мимика, не желающая, чтобы они встретились на переносице. Конечно, я знаю, о ком она.

– Ты о Ди?

– О нём, – хитро улыбается подруга. – Он просверлил в тебе дыру за несколько секунд, пока поднимался.

– Он ненавидит меня, – выдыхаю я, совершенно позабыв о том, что ни Тара, ни Анна не знают нашу предысторию. В ушах эхом звенят его недавно брошенные слова:

– *Исчезни из моей жизни.*

– Ты видела себя? – хихикает Тара, пока я продолжаю выводить пальцем рисунки на поверхности стола, в нерешительности поднять глаза. – Ты можешь даже гея обернуть обратно в гетеро. И кстати, он поладил с твоим братом, ещё

один плюс, почти зелёный свет.

– Они знакомы уже давно.

Тара хмыкает и пихает меня плечом.

– Да что с тобой? Где моя подруга?

Несколько дней назад твою подругу вкрутили в асфальт без необходимых приспособлений, —хочется сказать мне, но молчу. Я сполна вкусила ту словесную мерзость, что вывалил на меня Ди. Я словно вернулась на несколько лет назад, только на этот раз на его место. Сейчас, когда понимаю весь спектр чувств к этому парню, каждой клеточкой тела и сознания ощущаю ту ноющую боль, словно кто-то ковыряет старую рану. Сейчас я испытываю чувства, а он выстрелил мне прямо в лоб тем же. Ди не настолько эмоционален, чтобы орать на всю округу, что ненавидит меня, а вот я была на это вполне способна. И я сделала это. Отныне, меня жалят его слова, как рой пчёл, улей которого я выпотрошила.

Я не знала. Не догадывалась. Не понимала. Я хотела разделить жизнь с чудовищем, надев розовые очки на несколько лет. И не только я. Все придерживались мнения, что Сид – лучик солнца. На самом деле, он был затмением, которое перекрыло доступ не только к солнцу, но и к кислороду. И сейчас, пряча правду глубоко внутри себя, а также Мэйса, мы продолжаем жить так, словно ничего не было, словно всё в порядке. Но во мне нет того единого целого механизма. Он навсегда частично поломан. Это ваза, осколки которой не склеить в идеальное целое, что было до. Я ненавижу его

за это. Возможно, это не самое ужасное, ведь ещё ужасней факт того, что я продолжаю верить в светлое. Я всё ещё верю, что ваза может собраться в ту новую, что когда-то была.

– Мэди? – Тара трясёт моё плечо, и когда поворачиваю голову, вижу беспокойство в её глазах. – Что случилось? Ты сама не своя.

– Уже давно, – эхом отзываюсь я.

– Что произошло? – вторит Таре голос Анны, которая занимает соседнее кресло и нацеливает всё внимание на мне.

– Ди ненавидит Мэди, Мэйс уже давно с ним знаком, кажется, они вообще неплохо поладили, если сейчас на них помотришь, – объясняет Тара. – Всё остальное под вопросом.

Анна резко поворачивает голову и смотрит куда-то в сторону.

– Да, так и есть, – спустя несколько секунд, соглашается она. – Если это не любовь с первого взгляда, то дружба и всё в этом роде.

– Они и раньше общались, – тихо бубню себе под нос.

Интересно, как бы реагировал Мэйс, если бы узнал, что недавно сказал мне Ди. Их общение явно могло закончиться на том самом моменте, не дав старт дружбе. Конечно, насколько бы близок мне ни был Мэйс, я никогда не скажу ему об этом. Он вспыльчивый и всегда поспешно делает выводы, а это означает только одно: он поднимет кулаки. Он не подпускает к себе кого-то близко, считая и видя во всех только выгоду, которую они хотят поиметь, а сейчас, кажется, мой

брат расслаблен и спокоен в обществе Ди. И я никогда не помешаю этому, даже если себе во вред.

По спине пробегает волна дрожи, а те места, которых недавно касался Ди, начинает покалывать. Я не отрицаю чувства к нему. Раньше была симпатия. Она жива и на сегодняшний день. Он буквально спас меня когда-то, на что я ответила ядом. Мои чувства к Сиду были сильнее. Возможно, это был обычный страх и привязанность. Любая жертва боится своего обидчика, зная, на что он способен. И как только появляется кто-то, кто готов помочь вытащить из дерьма, обидчик становится ещё хуже, чувствуя опасность, видя, что объект его давления может ускользнуть. Так было со мной. Может быть, дело не только в страхе за то, что я уйду, за то, что расскажу, а в том, что я идиотка, которая верила, что «этого больше не повторится». Это повторялось. Каждый божий день. Ни дня без колкости, подавления и унижений. Я не придавала им значения, и даже когда всё перетекло в физические передраги, старалась видеть вину только в себе. Да, я виновата, но сделала то, чего желала: я хотела его поцеловать. Это как наваждение. Сила, которой невозможно противостоять. За это я расплатилась с полна.

– Ты так и собираешь говорить что-то раз в час, брать интригующую паузу и опять что-то говорить? – недовольно, но в то же временно возбуждённо, спрашивает Тара. – Если так, то я отрежу тебе язык, чтобы ты вообще больше не разговаривала.

– Я не могу сейчас, после лекций, – выдыхаю я.

Ещё минуту Тара пялится на меня, Анна смотрит куда-то в сторону и на её лице странное выражение, я же нацеливаю взгляд на Мэйсе и Ди. Вокруг них рассадник женских сисек и внимания, но они о чём-то увлечённо разговаривают, не обращая внимания на пылкость окружающих. На теле Мэйса даже нет парочки рук, это довольно удивительно, учитывая то, что они всегда на нём. Если бы я его не знала, то могла называть ходячим хламидиозом. Я всё ещё мирюсь с мыслью, что именно мой брат – главный бабник этого университета, имя которого на устах каждой половозрелой девушки. Может быть, если бы мы не были родственниками, я относилась к нему иначе. При этой мысли лицо кривится. Нет, точно нет. Я отрицаю это, как атеист отрицает Библию и религию.

Тара сует ноутбук в сумку и подскакивает на ноги, следом за собой, поднимая меня. Она подначивает Анну, торопя и её.

– Быстро, Баттерфилд. Валим отсюда, пока Витман нас не видел, вы и так тут звёзды.

Лицо Анны мрачнеет. Она бросает косой взгляд в сторону стола профессора и вновь притупленным глазами смотрит на нас.

– Он же убьёт нас, если заметит, – со страхом, шепчет она.

– Вот поэтому поднимай свою задницу быстрее, пока его нет. Шевелись, зануда.

С паникой в глазах и белым лицом, Анна поднимается на ноги и ещё секунду медлит, бегая взглядом между нами и столом профессора.

– Ладно, – подвержено выдыхает она, спускаясь по лестнице.

– Так-то, – улыбается Тара, подгоняя нас: – Шевелите булочками.

Чувствую пристальное внимание со стороны и, когда поворачиваю голову, натываюсь на пронизательный взгляд Мэйса, который, прищурившись, следит за каждым нашим шагом. Я получаю мысленный предупреждающий сигнал, но следом уголки его губ приподнимаются в улыбке. Брат качает головой, без слов говоря: «Ай-яй-яй».

– Баттерфилд, Картер, у вас совершенно чувства самосохранения нет? – спрашивает ледяной голос профессора, который заходит в аудиторию в тот самый момент, когда её хотим покинуть мы.

Он сканирует взглядом Тару и щурится.

– Фамилия.

– Эшер, – без особого желания и энтузиазма, отвечает она.

– Мисс Баттерфилд, Картер и Эшер, где-то случился пожар? – оглядывая нас с ног до головы, Ватман остаётся с каменным выражением лица.

– Да! – заявляет Тара или её бесстрашие, подталкивая нас вперёд.

– К работе вашей тройки, я буду относиться излишне вни-

мательно, если хотя бы одна продолжит ранее задуманное.

Губы Анны образуют тонкую полоску, когда она смотрит прямо в глаза профессора и делает шаг вперёд первой. Где та Анна, которая является тормозом, помогающим не совершить ошибку!?! Эта девушка совсем не она.

– Не будьте занудой, профессор, как будто вы никогда не были студентом.

Мои брови не ползут на лоб, они вовсе готовы съехать с лица из-за неожиданности. Господи, да эта Анна самоубийца, если смотрит в его глаза и говорит подобное. Все знают, Витман закатает в асфальт одним взглядом, ну, либо же лишит будущего диплома. Он умело держит планку короля из всех профессоров, которого ненавидят. Сегодня Анна стала в его списке ненавистных первой, явно сместив меня и Мэйса.

Она выпрямляется, встряхивает головой, из-за чего волосы взлетают в воздух, и направляется по коридору.

– Черт подери! – ошарашено шепчет Тара, благодаря чему профессор переключает гневный взгляд на нас. – Валим, пока я не подохла от шока так ничего не узнав.

Киваю тогда, когда Тара спешно перебирает ногами следом за Анной. Их каблук эхом отзываются в стенах здания, а я перекатываю по горлу слюну, пытаюсь увлажнить его самым простым способом. Я никогда не была привередницей правил, но ту должность в виде «сорви голова», в нашей семье по праву отдана Мэйсу, на втором месте папа, и только

потом я. Эйден и мама считают нас полностью отбитыми и, конечно, не трудно понять, чьи гены победили и теперь эта безрассудная кровь бежит по венам.

На газоне практически пусто, небольшое количество студентов присутствует, но все разбросаны по разным углам, и вряд ли нас кто-то услышит. Решаюсь не ходить далеко. Направляюсь в сторону самого дальнего уголка, чтобы быть как можно дальше от остальных. Мне плевать, кто и что скажет, если услышит, даже если кто-то из них бросит в мою сторону шлюха, я смело покажу средний палец. Может быть, наша фамилия достаточно известная, но она не делает меня кем-то определенным. Я всё та же Мэди, возможно, с поломкой внутри, но я – это всё ещё я, а не высокомерна сука. Все, кто придерживается подобного мнения обо мне или о Мэйсе просто не получили желаемого. Они ищут выгоду из дружбы, а мы не готовы с этим мириться, предпочитая вовсе не иметь друзей, чем довольствоваться теми, кто сбежит при первой воде на корабле. Но мой брат всё же намного привередливей и предвзятый, он может видеть ложь там, где её нет, в этом его главная проблема.

– Господи, да хватит уже создавать интригу! – нетерпеливо и настойчиво тараторит Тара. – Я ненавижу это!

– Я поцеловала его, – как можно спокойнее, сообщаю я. Анна вскидывает брови, а Тара начинает подпрыгивать на месте и хлопать в ладоши.

– Ты наконец-то действуешь!

– Это было три года назад, – добавляю я.

Ее воодушевленность тут же сменяется призранием.

– Три года назад? – фыркнув, недоверчиво морщится она.

– Да, три года назад. Если честно, это больше вышло само собой, чем моя инициатива. Он помог мне.

– И ты целуешь всех, кто тебе помогает.

– Нет... тогда... я не споткнулась, не уронила ручку или книги, либо что-то ещё. Мой бывший...

Слова застревают поперёк горла, а девочки с томительным ожиданием смотрят на меня, ожидая продолжения. И я тихо выдыхаю.

– Он поднял на меня руку, когда ещё не был бывшим, – по крайней мере, я сказала хоть что-то и правду, остальным делиться не хочется. Я не хочу это вспоминать.

– И как он помог тебе? – теперь уже с мягкостью, интересуется Тара. – Вытащил из лап зверя?

Мог, если бы я не была душой. Я добровольно вернулась в клетку. Это свойственно всем идиоткам, которые оправдывают поступки слабостью и безысходностью, как будто нет выхода. Папа говорит, что выхода нет только когда над телом закрывается крышка гроба.

– Нет, он просто... помог.

– Как можно помочь, чтобы ты поцеловала его? – хмурится Анна, как будто ей это не безразлично. – Мы говорим о нормальном поцелуе или ты просто чмокнула в его в щёчку?

– Я согласилась на свидание с ним.

– Должно быть, отстойные отношения, если ты была готова сходить куда-то с другим, – говорит Тара.

– Я не буду обижаться, если вы осуждаете меня за это.

Анна жмёт плечами.

– Никто не собирается тебя осуждать.

– Я поцеловала его, хотела сходить с ним куда-нибудь. Это было первый раз за всю жизнь. Сид... я была влюблена в него с детства, может быть, он не заслуживал обмана...

Но и я не заслуживала того, что он делал.

– Но я что-то почувствовала. Я не воспользовалась и не искала замену. Всё произошло спонтанно.

– Ну, нет, ты не будешь целовать кого-то случайно, – качает головой Тара. – Ты хотела его поцеловать.

– Да, хотела, – вздохнув, соглашаясь я. – Это казалось правильно и искренне. Потом... Боже, потом я кричала, что ненавижу его.

– Кого?

– Ди. Он тоже занимается боксом. Они все занимаются боксом, поэтому знакомы. Это произошло на соревнованиях. Я вернулась к Сиду и не видела Ди до... до недавних пор.

– А сейчас? – спрашивает Анна, положив ладонь на моё плечо. Ее чёрные глаза внимательно всматриваются в мое лицо, пытаюсь найти ответ.

– Что?

– Что ты чувствуешь к нему сейчас.

– То же самое.

– Ненавидишь его?

– Я не ненавидела его, эмоции сыграли, это долгая история.

– Мы куда-то торопимся? – ободряюще улыбается Тара.

Закрываю глаза и глубоко втягиваю воздух, как будто желаю задохнуться с помощью кислорода, следом за чем медленно его выпускаю, освобождая лёгкие. И тогда я выкладываю. Вываливаю на них тот день от и до, не упуская даже то, что Сид был лучшим другом Мэйса. Это словно поток воды, который не держится и вырывается наружу. Мой рассказ похож на то, будто я пытаюсь освободиться и искупиться перед самой собой. Я не забегаю дальше, пересказывая именно тот день и не углубляясь в то, что было после. Я не готова делиться этим с кем-то, как будто внутри стоит барьер. И я не рассказываю ничего по части Мэйса, его имя практически не фигурирует. В конечном счёте, резко прерываюсь, потому что дальше слова не торопятся вырываться, словно кто-то поставил табличку стоп, которой я послушаюсь.

Девочки ещё несколько секунд молчат, смотря на меня и обрабатывая информацию в собственной голове, пока я пытаюсь захлебнуться водой из бутылочки. В горле сухо, у меня появилось истощение за несколько минут. Мне никогда не было так страшно открываться перед кем-то, даже перед подругами, ведь мы познакомились и начали общаться в университете. Но я пустила их в свою жизнь и привязалась, доверившись людям снова.

Следующая неожиданность ждёт уже нас, когда Анна с широко распахнутыми глазами и белым лицом выдаёт:

– Я сплю с Блейком.

– И кто это? – насмешливо интересуется Тара.

– Профессор.

– Ты можешь быть конкретней, Баттерфилд?

– Витман.

Моё лицо вытягивается точно так же, как и лицо Тары. Мы переглядываемся и недоверчиво смотрим на Анну, которая, кажется, на нервах начала барабанить ладонями по обложке книги.

– Что!?! – громким шепотом переспрашивает Тара.

– Тебе объяснить получше? – фыркнув, тихо бурчит Анна. – Будьте тише, никто не должен знать. Тут слухи расползаются быстрее, чем спутник передаёт информацию.

Тара вдруг начинает смеяться, и я тоже, разве теперь нервно.

– Поэтому ты не пропускаешь его лекции? – хохочет подруга.

– Очень смешно, Эшер, – продолжает ворчать Анна. – Он убьёт меня, если пропущу его лекции.

Тара игриво подмигивает ей.

– Или отшлепает.

Из моего смеха исчезает нервоз, я начинаю хихикать вместе с Тарой, но резко прекращаю и приглядываюсь к Анне.

– Подожди... ты думала, Мэйс – это Витман?

– Не напоминай, – морщится она. – Я столько всего выслушала потом. Больше никогда это не вспоминайте и не обсуждайте в его присутствии, иначе найдёте мой труп. Он терпеть не может твоего брата.

– Это не новости и взаимно. Он в любимчиках Мэйса, которых любит выводить.

– Ладно, вернёмся к тебе, – вздохнув, говорит Тара, обращаясь ко мне. – Что сейчас? Сейчас он нравится?

Тяжело выдыхаю.

– Да.

– И что планируешь делать?

– Он ненавидит меня, что я должна делать?

– Не быть идиоткой и завоёвывать своего рыцаря, тем более виновата ты, а не он.

Неприкрытое оскорбление расцветает на моем лице.

– Ты моя подруга и должна быть на моей стороне.

– Я и так на твоей стороне. Я была бы хреновой подругой, если бы сказала, что виноват он и это он должен за тобой бегать. Вообще-то, ты унизила его мужское эго, они это ненавидят.

– А ты откуда знаешь? – улыбается Анна. – Вито унижен?

– Я купила плетку и теперь орудую ей, – с лучезарной улыбкой, сообщает Тара, на что одновременно я и Анна издаём рвотные звуки. – Шучу, дурные, это же мужчины. Если не выберешь его, он будет истерить всю жизнь.

– Хоть где-то я с тобой согласна, – кивает Анна. – Блейк

никогда не забудет историю с Мэйсом.

Тара переглядывается между нами и спрашивает:

– Так, каков наш план?

– План? – приподняв бровь, с толикой недопонимания, узнаю я.

– Да, по твоему возвращению в его сердце или куда ты там успела проникнуть.

– Никуда.

Она играет бровями.

– Кое-куда успела.

– Ничего не было.

– Я про поцелуй, дурная. Он поцеловал тебя, значит, что-то было, а может, ещё есть.

– Ну, да, у нас же целуются только по любви, скажи это Мэйсу.

– Твой брат – это отдельная история, как и все ему идентичные.

– Что ты хочешь?

– Задай этот вопрос себе. Мне нужен Вито, у Анны, поверить в это не могу, у нашей тихой и неприступной девы есть Витман, а тебе нужен Ди.

Анна шикает и кидает в сторону Тары гневный взгляд.

– Называй его по имени, он же профессор, это уголовщина и увольнение. Я не хочу встречаться с ним на один час раз в неделю.

– Ладно, ладно, – соглашается Тара. – У Анны есть Блейк.

– У меня нет никакого плана, – жму плечами, делая новый глоток воды.

– Значит, нужно разработать. Он же гребаный красавчик и нравится твоему брату, уже два плюса.

Я могу забегать вперёд, думая, что у него много плюсов, но принимаю правоту Тары. К сожалению, не всё так красочно, как кажется на первый взгляд. Мэйс не будет в восторге, мы дали друг другу обещание, что его друг никогда не будет моим парнем, а моя подруга – его девушкой. Ди будет нравиться ему до тех пор, пока не станет для меня кем-то большим. В любом случае, я хочу этого парня. Нет ничьей вины, это игры судьбы, в которые она снова нас ввязывает. Могу оправдать себя лишь тем, что Ди не был ему другом, когда я что-то почувствовала. Из-за того, что кто-то не оправдывает твой выбор – не стоит от него отказываться. Это то же самое, что отказываться от себя. Мэйс всё поймёт, если увидит меня счастливой, а Ди должен поднапрячься, чтобы сделать меня счастливой, потому что сейчас путь к нему буду искать я.

Глава 10

Мэди

На часах почти шесть вечера, а я сижу в местной забега-ловке, которую облюбовали все студенты нашего и не только университета за достойную пищу по приемлемой цене. Мои мысли далеко не в кафе, где все атрибуты веют какими-то диско-восемидесятыми, а где-то внутри меня, в моей маленькой вселенной. На моем лице полная отрешенность, в то время как в голове и в сердце полный хаос. Если бы кто-то оживить мое сердце и мозг, то эти двое сейчас устроили драку похлеще чем в горяченьком вестерне.

Я запуталась. Буквально запуталась в себе и не знаю, как сделать шаг, чтобы не потерять всё и быть откинутой на несколько шагов назад. Я знаю, что играла с чувствами людей, даже не задумываясь. Рассматривая своё поведение со стороны, осознаю, что рушила всё вокруг себя и себя же в том числе. Отношения с Сидом сказались не только на мне и на нем, но и на других людях: я абсолютно забивала на семью, проводя время с ним и тем самым разбивая им сердца; я играла с парнями, чтобы Сид ревновал, чтобы испытывал ко мне уважение, боясь меня потерять. Черт знает скольких я так обвела вокруг пальца, просто заманив в свою игру, но лишь одного я сломила. И теперь готова сделать все, чтобы

вернуть его.

Ди. Вспоминала ли я о нем хоть раз, вечерами, размышляя о содеянном? Каждый божий день. Пока каждый день Сид убивал меня, мысли о Ди делали меня сильнее. Внутри же я самые что ни на есть руины, сквозь которые дует ветер, добивая их.

С самого его появления в моей жизни, я вспомнила всё, всё что сделала, и стыд, захлестнувший меня, сбил с ног. Так мерзко стало от самой себя, что собственное тело кажется тюрьмой, а мысли скользким напоминанием о том, кем я когда-то была. Как же все так быстро изменилось? Как я из всеми любимой сладкоежки Мэди с лучезарной улыбкой и чистыми голубыми большими глазами превратилась в монстра, в чёртову бессердечную стерву?

Настало время исправлять свои ошибки, и я не сдамся. Я вижу лишь один путь, пройдя по которому в конце окажусь победителем, окажусь счастливой до конца моих дней. И этот путь диктует мне условия: я должна завоевать Ди. Всеми возможными способами.

– Твоя улыбочка, вот эта вот на твоём лице, не говорит ничего хорошего. Так маньяки улыбаются, Мэди, – выводит меня из забвения голос Анны.

Подруга сидит напротив, тыкая вилкой в салат, названный цезарем, но что-то я в этом дико сомневаюсь.

Пожимаю плечами, улыбнувшись одним уголком рта. Нужно проморгаться, чтобы пелена сошла с глаз, и я снова

видела этот мир четким.

– Я просто в хорошем расположении духа – это весь секрет.

– Ещё пару минут назад, когда ты позвонила и позвала сюда, ты говорила обратное. Тебе напомнить? – Анна дёргает бровью, отправляя вилку в покрашенным блеском рот.

Закатываю глаза, скрещиваю руки под грудью и разваливаюсь на диванчике, немного скатившись вниз.

– Уныние не приведёт ни к чему хорошему. Я наконец увидела цель жизни и теперь иду к ней. Но главное условие: перестать ныть. Пришлось выполнять требования.

– Говоришь такими умными фразочками, но что скрывается за ними? Страх? Или последняя стадия отчаяния? – вопрос Анны вводит меня в новое для меня состояние.

– Ты загружаешь мой мозг куда больше, чем позволяет мое программное обеспечение. О, пироженки! – на последних словах мой голос становится ультразвуком.

Официант смущенно улыбается моей радости, будто это я ему так скандирую, и ставит на стол тарелку с посыпанными пудрой пирожными. Тут же хватаю одну и целиком сую в рот. Парень и Анна смотрят на меня в шоке.

Несколько раз моргаю, агрессивно жуя, и пытаюсь сказать:

– Спасибо, очень вкусно.

Выходит хреново. Это видно по скривившему выражению лица Анны.

– Приятного аппетита.

– И вам.

Анна хлопает по лбу и тихо смеётся.

– Что? – недоуменно спрашиваю у неё с набитым ртом.

Парень не может больше терпеть меня и сбегает.

– Ты сказала ему: «и вам». Он же не ест.

– Зря. Пирожные очень вкусные, на его месте я бы не упустила возможности и съела штук сто.

– Не все такие сладкоежки как ты. Как ты вообще остаёшься такой стройной? – Анна ставит голову на кулак, задумчиво смотря на меня.

Кусок сладости во рту вдруг встаёт поперёк горла. Запиваю соком и неловко улыбаюсь.

– Ну.. хм.. гены, наверное? Метаболизм все дела.

– Везёт же некоторым. Так какой у тебя план? Я имею ввиду Ди.

Я хмурюсь, прежде чем перевожу взгляд с пирожного на Анну. Та, склонив голову набок, смотрит на меня со скупой улыбкой, будто я ребёнок и втираю ей за единорогов. Это раздражает меня.

– Я пока не знаю. Но я в процессе.

Анна отводит глаза в сторону, цокнув.

– Знаешь, Тара круто придумала с планом и все дела, но это выглядит так, будто ты будешь бегать за ним. Типа собачонка, тявкающая в след.

– Я не буду бегать как собачонка, – твёрдым голосом говорю я, наконец полностью дожевав.

Она смотрит на меня, наклоняется чуть вперед и тихо спрашивает:

– Ты убеждаешь меня или себя?

– Анна, я никого не убеждаю. В мои планы действительно входит доказательство моих чувств к нему и доказательство моих внутренних изменений. Ты можешь думать, что я стану бегать за ним, но видимо плохо знаешь Ди. Он не станет обращать внимания на этот жест, более того – скорее прекратит обращать внимания вовсе.

Она поднимает обе руки вверх и смеётся.

– Не злись, Мэдисон, я просто пытаюсь понять, что ты задумала.

Закатываю глаза.

– Мне бы самой понять.

– В любом случае, ты же знаешь, что мы можем помочь тебе. Всегда. Просто позови – и мы сделаем лучший план по ограблению банка, захвата Эйфелевой башни ну или план по внедрению в сердце плохого мальчика.

– Плохого мальчика?!

– Ди. Тот ещё засранец. Говорит тебе отвалить, а сам всю неделю только и делал, что пялился на тебя.

Я краснею.

– Я не замечала...

Внезапно в кафетерии становится шумнее, чем было, а люди, сидящие впереди нас, оборачиваются, с интересом подглядывая на дверь. Анна немного отодвигается вправо и

заглядывает за меня. Ее брови взлетают вверх, а губы складываются в ироничную ухмылку.

– Вспомнишь лучик – вот и солнце.

Собираюсь обернуться и посмотреть, кто зашёл в кафе и завладел вниманием всех присутствующих, но они уже проходят мимо нашего стола.

Компания, состоящая из Мэйса, Ди ещё какого-то парня и девушки, которая плетётся за Ди, воодушевлённо рассказывая ему что-то, идут к дальнему большому столику. Он даже посмеялся с того, что она ему там лопочет. Провожая его спину, пока он не садится на диван, но хуже всего то, что слева от него примостилась эта девушка – довольно красивая, если быть честной. Я не помню, чтобы когда-то видела его с ней. Кроме того, мой брат либо меня проигнорировал, либо не заметил. Вот говнюк, пишу ему мысленное сообщение о скором совершении убийства. Они могли сесть к нам, и тогда мне было бы куда проще.

Недовольно хмурюсь и совершенно забываю про пирожные. Ди даже не посмотрел на меня, не удостоил и косым взглядом. Все его внимание ушло к тем, с кем он пришёл.

– Кажется, у тебя появилась соперница.

Закатываю глаза и высокомерно отбрасываю волосы назад. Какая чушь!

– Не считаю ее таковой. Я ни разу не видела его с ней, так что делаем вывод – она всего лишь развлечение на один раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.